

ОТ АВТОРА КУЛЬТОВОГО МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
NEW YORK TIMES «АЛАЯ КОРОЛЕВА»

ВИКТОРИЯ АВЕЯРД

18+

РАЗРУШИТЕЛЬ КЛИНКА

ОБНАЖИ МЕЧ ИЛИ СГИНЬ ВО ТЬМЕ

Виктория Авеярд
Оллвард. Разрушитель клинка
Серия «Young Adult. Мировой
бестселлер Виктории Авеярд»
Серия «Оллвард», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68332391

Оллвард. Разрушитель клинка:

ISBN 978-5-04-175759-5

Аннотация

Одно из веретен закрыто, но впереди еще долгий путь. Разделенный мир должен сплотиться, неудержимый враг должен быть побежден, а судьба мира лежит на острие меча.

ЭНДРИ, бывший оруженосец, продолжает бороться за спасение среди крови и хаоса.

ДОМ, скорбящий бессмертный, стремится выполнить нарушенную клятву.

СОРАСА, убийца-изгой, сталкивается со своим прошлым, когда оно обнажает острые клыки.

ВАЛТИК, ведьма в летах, призывает могущественную силу.

КОРЕЙН, дочь пирата, в крови которой течет древняя магия, скоро станет героиней, которой ей суждено быть.

Вместе они должны собрать армию, чтобы противостоять королеве Эриде и злым силам Таристана. Но что-то смертоносное ждет во тьме, и оно может поглотить мир прежде, чем появится надежда на победу.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	31
Глава 3	51
Глава 4	78
Глава 5	98
Глава 6	117
Глава 7	151
Глава 8	170
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Виктория Авеярд Оллвард. Разрушитель клинка

*Для тех, кого можно заставить поклониться,
но нельзя сломить*

Victoria Aveyard

Blade Breaker

Copyright © 2022 by Victoria Aveyard

Map art by Francesca Baraldi

Map © & ™ 2022 Victoria Aveyard. All rights reserved.

© Попова К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Нет иного выбора, кроме смерти

— *Корэйн* —

Голос казался далеким и затихающим, он будто отражался от стен длинного коридора, слова были едва различимыми, но вибрировали внутри Корэйн, порождая разные чувства. Ее собственное сердцебиение вторило этому ужасному голосу. Корэйн не слышала ни единого знакомого слова, но все же ощущала исходящий от них гнев.

Его гнев.

Пелена затмила разум Корэйн, и она гадала, что именно это было, смерть или же очередной сон.

Рев Того, Кто Ждет упорно, взывал к ней во тьме, даже когда теплые руки тянули ее обратно к свету.

Часто моргая и хватая ртом воздух, Корэйн села и начала беспокойно оглядываться. Она обнаружила, что находится в воде, которая доходит ей до груди. Вода подернулась рябью — грязное зеркало, отражающее город-оазис.

Когда-то усеянный пальмами и прохладной тенью Нэзрай был поистине прекрасным местом, песчаные дюны которого золотой полосой тянулись вдоль горизонта. Королевство Айбал простиралось во всех направлениях, с красными скалами Марджеджа на юге, и волнами залива Алджер и Дол-

гим морем на севере. Нэзрай был городом паломников, построенным вокруг священных вод и храма Лашрин, крыши расположенных в нем белых зданий покрывала зеленая черепица, а улицы казались достаточно широкими для прохода караванов.

Теперь эти улицы были усеяны трупами, свернувшимися телами змей и ранеными солдатами. Корэйн подавила тошноту и продолжила смотреть по сторонам, разглядывая руины. Она искала Веретено, золотую нить, извергающую поток воды и монстров.

Но на том месте не было ничего. Даже эха.

Никаких воспоминаний о том, что существовало мгновением раньше. В память о кракене остались лишь сломанные колонны и разрушенная дамба. И, насколько поняла Корэйн, окровавленные остатки щупальца, аккуратно отрезанного у монстра тогда, когда его загнали обратно в его собственное царство. Оно лежало среди луж, похожее на поваленное старое дерево.

Борясь с тошнотой, Корэйн с трудом сглотнула. У воды был привкус гнили, смерти и Веретена, ныне исчезнувшего, если не считать затихающего эха, похожего на звон в ушах. А еще она почувствовала привкус крови. То была кровь галлийских солдат, а также морских змей из другого царства. И, конечно же, ее собственная. Крови было так много, что Корэйн казалось, она может в ней утонуть.

«Но я дочь пирата», – подумала она, ощущая, как коло-

тится сердце. Она представила, как ее мать, загорелая и красивая Мелиза ан-Амарат, усмехнулась.

«Мы не тонем».

– Корэйн... – удивительно нежно произнес мужской голос.

Она подняла глаза и увидела, что над ней стоит Эндри. Его туника и знакомая синяя звезда были испачканы кровью.

Ощувив приступ паники, Корэйн принялась осматривать лицо и конечности оруженосца, ища следы какой-нибудь ужасной раны. Она помнила, как упорно сражался Эндри, такой же рыцарь, как и любой из убитых им солдат. Спустя мгновение стало ясно, что кровь принадлежит не ему. Вздохнув, Корэйн почувствовала, как напряжение спало с ее плеч.

– Корэйн, – снова позвал Эндри, коснувшись ее руки.

Не раздумывая, она крепче сжала его пальцы и заставила себя встать на дрожащие ноги. Глаза оруженосца светились беспокойством.

– Со мной все хорошо, – выдохнула Корэйн, чувствуя себя совершенно иначе.

Даже когда ей удалось обрести равновесие, мысли все равно продолжали кружиться, последние несколько мгновений всплыли в ее памяти. «Веретено, змеи, кракен. Заклинание Вальтик, гнев Дома. Моя собственная кровь на острие меча». Пытаясь сосредоточиться, Корэйн сделала еще один глоток воздуха.

Эндри по-прежнему касался ее плеча, готовый подхватить

девушку, если она упадет.

Но Корэйн и не думала падать.

Она выпрямилась. Ее взгляд метнулся к Веретенному клинку, на полфута погруженному в грязную воду, сейчас он отражал тени и солнечный свет. Вода касалась оружия, и казалось, что сталь танцует. Выгравированные на металле слова на древнем языке давно утраченного королевства тянулись по всей длине меча. Корэйн не могла прочесть ни единой буквы, произнести ни одного слова. Как и всегда, их смысл оставался непонятен ей.

Затем она погрузила руку в воду и сжала рукоять Веретенного клинка. Меч взлетел вверх, холодный и мокрый. Сердце Корэйн дрогнуло. На мече больше не было крови. Но она все еще видела их. Кракена, змей. И галлийских солдат, погибших от ее собственной руки. Жизни смертных оборвались, разрубленные пополам, словно Веретено.

Корэйн старалась не думать о людях, которых убила. Однако их лица все равно всплывали в ее памяти.

– Сколько? – спросила она, ее голос затих. Вряд ли стоило ожидать, что Эндри поймет ее хаотичные мысли.

И все же на лице оруженосца отразилась боль, которую она безошибочно узнала. Он посмотрел ей за спину, на тела в зеленом и золотом. Затем закрыл глаза и склонил голову, пряча лицо от палящего солнца.

– Не знаю, – ответил он. – Я не стану считать.

«Никогда раньше не видела, как разбивается сердце, – по-

думала Корэйн, наблюдая за Эндри Трелландом. На нем не было никаких видимых ран, но она знала, что внутри он истекает кровью. Когда-то он был оруженосцем Галланда и мечтал стать рыцарем. – А теперь стал убийцей, убийцей собственных мечтаний».

На этот раз у Корэйн ан-Амарат не нашлось слов, и она отвернулась, желая остаться наедине с собой.

Ее взгляд скользил по окрестностям, отмечая разрушения, веером расходящиеся от центра города. После битвы в оазисе стало до жути тихо. Корэйн думала, что останется какое-то эхо, крик кракена или шипение змеи.

Она слышала старую ведьму Вальтик, когда та вприпрыжку, словно ребенок, гуляла по каменным руинам, напевая что-то себе под нос. Корэйн наблюдала, как старушка несколько раз наклонилась, забирая клыки у ныне мертвых змей. В ее длинные седые волосы уже было вплетено несколько зубов. Она снова была самой собой, просто старой, странной, сбивающей с толку женщиной, бесцельно слоняющейся по округе. Но Корэйн знала правду. Всего несколько мгновений назад джидийская ведьма с помощью рифм оттеснила кракена, расчистив путь для Корэйн и Веретенного клинка. Вальтик обладала невиданной силой, но, если и знала об этом или хотя бы помнила, все равно не подавала виду.

В любом случае, Корэйн была рада, что она рядом.

Восходящее все выше солнца Айбала опаляло спину Кор-

эйн, но, когда на девушку внезапно упала тень, она ощутила холод.

Корэйн подняла глаза, ее лицо вытянулось.

Тело и лицо Домакриана, бессмертного принца Айоны, покрывали свежие пятна крови. Его некогда изысканная туника и плащ теперь были порваны и испачканы. Бледная кожа стала рыжеватой, а светлые волосы полыхали огнем. Лишь его взгляд оставался ясным, зеленые изумрудные глаза горели, как солнце над ним. Двуручный меч почти выпал из его кулака, грозя упасть на землю.

Он тяжело вздохнул.

– Корэйн, с тобой все в порядке? – спросил Дом скрипучим голосом.

Вместо ответа Корэйн сама задала вопрос:

– А с тобой?

Древний нахмурился.

– Мне надо привести себя в порядок, – пробормотал он, наклоняясь ниже. Стоило ему коснуться воды, как по ней пошли красные круги.

«Для этого потребуется нечто большее, – хотелось сказать Корэйн. – Всем нам. От всех нас».

Девушка вздрогнула, внезапно ощутив панику. Ее сердце сжалось, пока она лихорадочно осматривала город, ища взглядом остальных Соратников. «Чарли, Сигилла, Сораса. – Корэйн не видела их, не слышала их голоса, и ледяной страх сковал ее тело. – Многие умерли сегодня. О боги,

пусть они окажутся в числе выживших». Какими бы серьезными она ни считала собственные прегрешения, их жизни были гораздо важнее.

Не успела Корэйн прокричать их имена, как послышался стон мужчины.

Она обернулась на звук, Эндри и Дом обступили ее, словно стражники.

Увидев галлийского солдата, Корэйн с облегчением выдохнула.

Раненый воин полз по воде, которая теперь непреклонно впитывалась в песок. Зеленый плащ давил на него, замедляя продвижение вперед, но мужчина все равно пытался цепляться за грязь. С его губ капала кровь, и вместо слов слышался лишь булькающий звук.

«Лашрин придет за ним, – подумала Корэйн, имея в виду богиню смерти. – И не она единственная».

Сораса Сарн вышла из тени, грациозная, будто танцовщица, и сосредоточенная, словно готовый к атаке сокол. Она была не так сильно испачкана кровью, как Дом, но с ее покрытых татуировками рук и бронзового кинжала стекали багровые капли. Ее глаза были прикованы к спине солдата, и она, не колеблясь, направилась к нему.

– Сигилла, ты как? – спросила она, обращаясь к охотнице за головами. А затем совершенно непринужденно продолжила двигаться к умирающему мужчине через центр города.

С соседней крыши послышался веселый хохот и топот

ног. А потом появилась широкоплечая Сигилла, она боролась с галлийским солдатом в сломанных доспехах.

– Железные кости бойцов Бессчетного войска никогда не будут сломлены, – рассмеялась она, отражая атаку соперника. Нож упал, и она закинула солдата на плечо. В знак протеста галлиец завыл и застучал кулаками по кожаным доспехам темурийки. – Не могу сказать того же о тебе.

Он падал недолго, всего два этажа, но воды было очень мало. Послышался хруст, возвещавший о том, что солдат сломал себе шею.

Корэйн даже не дрогнула. Сегодня она видала и худшее. Пытаясь успокоить нервы, она лишь медленно сделала вдох.

Словно явившись на зов, на улицу вышел Чарли. Он взглянул на тело, но на его лице не отразилось ни единой эмоции.

– Сын Галланда, сын войны, ступай в руки могущественного Сайрека, – склонившись над телом, произнес падший жрец.

Он провел черными от чернил пальцами по воде, коснувшись широко открытых глаз солдата.

Корэйн поняла, что Чарли устроил галлийцу настолько религиозные похороны, насколько позволяли возможности.

Когда жрец снова встал, его бледное лицо не выражало ни единой эмоции, длинные волосы свисали, свободные от привычной для него косы.

«Живой. Все они».

«Все мы».

Корэйн почувствовала облегчение, которое быстро сменилось усталостью. Она пошатнулась, ощутив слабость в коленях.

Эндри бросился к ней и положил руки ей на плечи.

– Все хорошо, – тихо сказал он.

Его прикосновение было подобно удару молнии и дарило противоречивые ощущения. Корэйн отпрянула и покачала головой.

– Я не стану оплакивать их, – резко пробормотала она. – Не стану жалеть людей, которые хотели убить нас. И ты тоже не должен скорбеть по ним.

Оруженосец нахмурился и поджал губы. Корэйн никогда не видела, чтобы Эндри Трелланд злился, не так, как сейчас. Даже едва заметная, его реакция все равно причиняла острую боль.

– Корэйн, я не могу, – выпалил он, отворачиваясь.

Девушка проследила за его взглядом, и краска стыда залила ее щеки. Эндри смотрел на Чарли, который теперь двигался вперед, прокладывая себе путь среди мертвых и благословляя падших галлийцев. Затем он заметил ползущего по грязи солдата.

Амхара все еще преследовала его.

– Сораса, черт бы тебя побрал, прояви милосердие, – рывкнул оруженосец. – Оставь его в покое.

Убийца не отвела взгляд. Благодаря своему огромному

опыту она знала – нельзя упускать из виду врага, пусть и серьезно раненного.

– Ты, Трелланд, можешь делать, что пожелаешь. Не стану тебя останавливать.

Эндри вскинул подбородок, обнажая смуглую кожу, ранее скрытую воротом туники. Его пальцы коснулись прикрепленного к бедру меча.

– Не надо, – сказала Корэйн, хватая его за бицепс. Плоть под ее пальцами казалась твердой и тугой, словно джутовая веревка. – Не стоит проявлять милосердие к этому человеку, если так ты потеряешь еще одну частичку своей души.

Эндри промолчал, но нахмурился. Затем, осторожно отодвинув Корэйн, он достал свой меч.

– Эндри... – начала она, придвигаясь ближе, чтобы остановить его.

Внезапно по воде пробежала рябь, покрытое чешуей извивающееся существо двигалось под гладкой поверхностью.

Корэйн замерла на месте, ее сердце бешено колотилось.

Змей, пусть один, но все еще смертельно опасный.

Сораса резко остановилась, перестав красться к своей цели. Глядя на происходящее тигровыми глазами, она следила за тем, как монстр открыл пасть и втянул голову солдата внутрь. От увиденного Корэйн невольно ощутила мрачное очарование, ее рот слегка приоткрылся, пока она наблюдала за тем, как змей убивает солдата.

Но именно Дом покончил с ними обоими, двуручным ме-

чом рассекая кожу и чешую.

Он бросил свирепый взгляд на Сорасу, но она лишь пожала плечами и отмахнулась от него взмахом окрашенной в красный руки.

Корэйн отвернулась, качая головой на поведение этих двоих.

Но Эндри уже пошел прочь, издавая хлюпающий звук, пока двигался по мокрому песку.

* * *

В то время как Сораса и Сигилла обыскивали оазис, ища выживших, остальные ждали на окраине города, где каменная дорога переходила в песчаную. Корэйн сидела на овеваемом ветром камне и благодарила богов за благословенную тень, создаваемую несколькими пальмами. Неясно почему, но она радовалась и теплу. Казалось, будто оно очищает.

Остальные хранили молчание, и единственным слышимым звуком был стук копыт двух лошадей. Эндри не отходил от песчаных кобыл, расчесывая их и, как мог, ухаживая за ними, используя то немногое, что у него было. Корэйн уже знала, что именно так он справлялся с ситуацией – сосредотачивался на задаче, которую знал. Задаче из его прошлой жизни.

Глядя на оруженосца и кобыл, Корэйн поморщилась. Осталось всего две лошади, и только на одной из них все еще

было седло.

– Веретено сопротивлялось, – пробормотал Дом, проследив за ее взглядом.

– Но мы выжили, а Веретено закрыто, – ответила Корэйн. Она натянуто улыбнулась. – И теперь можем двигаться дальше. Снова продолжить свой путь.

Дом медленно кивнул, но его лицо по-прежнему оставалось серьезным.

– Нужно будет закрыть еще несколько порталов. Сражаться с другими врагами и монстрами.

Бессмертного охватил страх. Он промелькнул в его глазах, став отголоском какого-то воспоминания.

Корэйн гадала, не думает ли Дом о ее павшем перед храмом отце.

Или его мысли занимало нечто другое, что-то существовавшее в глубине веков, из времен, неподвластных летоисчислению смертных.

– Будет нелегко победить Таристана, – пробормотал Дом.

– Как и Того, Кто Ждет. – Даже несмотря на жару пустыни, при одном лишь упоминании имени бога демонов Корэйн задрожала от холода. – Но мы сразимся с ними. Потому что должны. Другого выбора нет.

Бессмертный решительно кивнул.

– Нет иного выбора ни для нас, ни для мира.

Было уже за полдень, солнце стояло высоко в небе, когда Сигилла и Сораса присоединились к ним. Направляясь

к остальным, каждая из них была занята своим делом, охотница за головами чистила топор, а убийца – кинжал.

В оазисе не осталось ни одного врага.

Соратники были последними, кто выжил.

Следом за женщинами шел Чарли, сгорбившись, он разминал поясницу. «Слишком много тел, которые нужно благословить», – поняла Корэйн, отводя взгляд. Она отказывалась думать о павших и вместо этого впиалась взглядом в открывшуюся ее взору пустыню и целые мили песка. Затем, посмотрев на север, на расположенный неподалеку залив Алджер – сверкающую ленту, переходящую в Долгое море, – Корэйн ощутила прилив воодушевления.

«Что дальше?» – задумалась она, в равной степени испытывая и страх, и трепет.

После перевела взгляд на остальных Соратников, оценивая их. Дом умылся, как мог, и убрал мокрые волосы от лица. А еще сменил свою испорченную тунику на то, что смог найти в заброшенных домах и лавках. Его наряд, состоящий из айбалийской туники, украшенного вышивкой жилета и старых штанов, походил на лоскутное одеяло, сделанное из не сочетающихся между собой кусочков ткани. Однако очищенные от песка сапоги и айонийская мантия остались при нем.

Хотя мантия была частично испорчена, вышитые олени рога все еще оставались на месте. Маленький кусочек дома, от которого не желал отказываться бессмертный.

Корэйн с тоской вспомнила о своем собственном изодранном синем плаще, ныне давно утерянном. Раньше он пах апельсинами, и кипарисом, и чем-то более сокровенным – воспоминание, которому она больше не могла дать название.

– Корэйн, опасность миновала, – сказал Дом, наблюдая за деревней, как ищущая след собака, прислушиваясь к возможной грядущей беде. Но он не нашел никаких признаков возможного нападения или чего-то подобного.

Действительно, воды Миэра, царства за пределами Веретена, утекли обратно в песок или испарились под палящим солнцем Айбала. Оставались лишь скрытые в тени лужи, слишком мелкие, чтобы в них могли спрятаться змеи. Те, кому повезло, уже ускользнули, следуя за эфемерной рекой вниз по склону и к морю. Остальные жарились на солнце на улицах, их скользкая кожа потрескалась и высохла.

Что касается солдат, то Сораса и Сигилла уже отправили всех врагов найти свое последнее пристанище.

Посмотрев на Дома, Корэйн поджала губы. Она все еще ощущала тяжесть в груди. Ее сердце все еще болело.

– Ненадолго, – ответила она, понимая, что говорит правду. – Это еще далеко не конец.

Ее слова эхом разнеслись над окрестностями, тяжелой пеленой нависнув над всеми путниками.

– Интересно, что случилось с жителями деревни, – задумчиво произнес Эндри, пытаясь сменить тему разговора.

– Хочешь услышать мое мнение? – ответила Сораса, на-

правляясь к пальмам.

– Нет, – слишком поспешно ответил он.

Несмотря на возраст, присоединившийся к ним Чарли застонал, словно дряхлый старик. Его красное, обожженное лицо выглядывало из-под капюшона.

– Что ж, – сказал он, переводя взгляд с места побоища на беспощадное солнце над головой, – предпочитаю здесь не задерживаться.

Сораса прислонилась спиной к пальме и ухмыльнулась, ее зубы сверкнули белизной на фоне бронзовой кожи. А затем указала кинжалом на оазис.

– Но ведь мы только что закончили убираться, – ответила она.

Стоящая рядом с ней Сигилла сложила свои огромные руки на груди, ее топор был спрятан за спиной. Она кивнула в знак согласия, убирая с глаз прядь черных волос. Пробившийся сквозь деревья луч солнечного света покрывал пятнами ее бронзовую кожу и заставлял блестеть черные глаза.

– Нужно немного отдохнуть, – сказала Сигилла. – Призраки не таят в себе никакой опасности.

Чарли криво усмехнулся.

– Железные кости Бессчетного войска не могут сломаться, но могут устать?

– Никогда, – огрызнулась охотница за головами, и Корэйн едва удалось подавить смехок. Вместо этого она села прямее. К ее удивлению, все взгляды устремились к ней. Даже

Вальтик, считавшая добытые змеиные клыки, оторвалась от своего занятия.

Вес от тяжести взглядов Соратников обрушился на и без того уставшие плечи. Корэйн попыталась думать о своей матери, о ее звучащем на палубе голосе, настойчивом и бесстрашном.

– Мы должны продолжать двигаться дальше, – заявила она.

В ответ раздался низкий голос Дома:

– Ты знаешь конечный пункт, Корэйн? – Даже будучи бесмертным, Древний казался измученным.

Корэйн засомневалась в своем решении и принялась терзать испачканный рукав.

– Он где-нибудь там, где нас не ждет бойня, – наконец ответила она. – Рано или поздно вести о случившемся дойдут до Эриды и Таристана. Мы должны продолжать наш путь.

Смешок сорвался с губ Сорасы.

– Вести от кого? Мертвецы не могут рассказывать новости, а вокруг нас одни мертвецы.

Пятна красного и белого цветов вспыхнули перед глазами Корэйн, одновременно являвшиеся и воспоминанием, и реальностью. Она сглотнула, борясь со снами, которые мучили ее все чаще и чаще. Больше они не казались загадкой. «Тот, Кто Ждет, – поняла она. – Может ли он видеть меня сейчас? Наблюдает ли он за нами? Преследует ли меня? Куда бы я ни отправилась, Таристан тоже последует за мной?» Разные

вопросы одолевали ее, а возможные ответы и мысли были слишком пугающими, чтобы думать о них.

– Даже если и так, – прибегая к тому немногому, что досталось ей от матери, Корэйн заставила свой голос превратиться в сталь. – Хотелось бы использовать любую доступную нам фору, чтобы убраться подальше от этого места.

– Одно лишь исчезло с пути, – звук голоса Вальтик напоминал скрежет ногтей по льду, а невозможно голубые глаза ведьмы светились жизнью. Она засунула недавно добытые клыки змей в прикрепленный к поясу мешочек. – Дальше скорее нам нужно идти.

Несмотря на постоянные невозможные рифмы джидийки, Корэйн почувствовала, как на ее губах появляется улыбка.

– Пожалуй, вы не так уж и бесполезны, – приветливо сказала она, склонив голову к старушке. – Вальтик, если бы не вы, к этому моменту кракен уже терроризировал бы Долгое море.

Замечание вызвало одобрение остальных, всех, за исключением Эндри. Он посмотрел на ведьму, но его мысли были далеко. «Он все еще думает о галлийцах», – поняла Корэйн. Ей захотелось вырвать эту печаль прямо из его груди.

– Не хочешь объяснить, что2 именно ты сделала с морским чудовищем из другого царства? – спросила Сораса, вопросительно выгнув темную бровь. Ее кинжал скользнул в ножны.

Вальтик ничего не ответила, а просто продолжила поправ-

лять свои косы, в которые были вплетены клыки и веточки засохшей лаванды.

– Видимо, кракены тоже ненавидят ее рифмы, – ответила Сигилла, криво усмехнувшись.

Стоящий в тени Чарли тоже ухмыльнулся.

– Пожалуй, следующим нам стоит взять песнопевца. Дополнить эту компанию болванов и отправить остальных монстров Таристана восвояси.

«Если бы только все было так просто», – хотелось сказать Корэйн, ведь она знала, что дело обстоит иначе. Однако, даже несмотря на это, слабая, но все еще живая надежда трепетала в ее груди.

– Может, мы и компания болванов, – сказала она, обращаясь не только к окружающим, но и к самой себе, – но мы закрыли Веретено.

Сжав руки в кулаки, она встала, ощутив твердую почву под ногами. На смену страху пришла решимость.

– И мы способны сделать это еще раз, – объявила она. – Как сказала Вальтик, нужно идти. Предлагаю выдвигаться. Мы отправимся на север, к Долгому морю, и будем двигаться вдоль побережья, пока не доберемся до деревни.

Сораса открыла рот, намереваясь высказать несогласие, но Дом не дал ей возразить, бессмертный поднялся и встал рядом с Корэйн. Устремив взгляд на юг, он пытался отыскать на горизонте красную линию Марджеджа и некогда залитую золотом равнину.

Корэйн повернулась, намереваясь улыбнуться Древнему, но замерла, увидев его выражение лица.

Сораса тоже заметила написанный на его лице страх. Она подбежала ближе, прикрыла рукой глаза и попыталась разглядеть то, что видел Дом. После долгих попыток убийца сдалась и повернулась к бессмертному, вглядываясь в его каменное лицо.

– Что там? – выдавила она, тяжело дыша сквозь зубы.

Сигилла потянулась к своему топору, а Эндри перестал предаваться меланхолии и резко повернулся, оставив лошадей. Чарли выругался, глядя себе под ноги.

– Дом? – Леденящий душу страх охватил Корэйн, когда он вышел из тени, в которой пряталась от жара. Она тоже пыталась посмотреть в сторону горизонта, но ослепляющее солнце и обилие песка не позволяли ей увидеть что-либо.

Наконец бессмертный втянул в себя воздух.

– Сорок всадников на темных лошадях. Их лица скрыты, одежда черная, сшитая специально для того, чтобы уберечь кожу от жара.

Сораса пнула песок и фыркнула себе под нос.

– Они несут флаг. Ярко-синие и золотые цвета. И... еще серебристый.

Корэйн тут же напрягла память, пытаясь вспомнить, что означают эти цвета.

Убийца знала.

– Защитники двора, – зло произнесла она, глядя так, слов-

но могла дышать огнем. За ее недовольством тоже скрывался страх. Корэйн заметила его по блеску в тигриных глазах. — Охотники короля Айбала.

Корэйн прикусила губу.

— Они помогут нам?

Невеселый смех Сорасы прозвучал грубо.

— Скорее продадут тебя Эриде или используют в качестве разменной монеты. Корэйн, ты самое ценное, что есть в Варде. А король Айбала не дурак, чтобы разбрасываться своими сокровищами.

— А что если они ищут не Корэйн? — включился в разговор Чарли, на его лице появилось выражение задумчивости.

Сораса прищурилась, сомнение отразилось на ее лице. Какие бы слова она ни хотела произнести, они так и остались невысказанными.

— Я возьму Корэйн и клинок, — постановил Дом, отворачиваясь от горизонта. Не успела Корэйн возразить, как оказалась в седле песчаной кобылы. Дом вскочил на единственную другую имевшуюся у них лошадь, не обращая внимания на отсутствие седла. Древний не нуждался в таких мелочах.

Корэйн возмущалась, сжимая вложенные ей в руки вожжи. Она удивилась, когда к ней подошел Эндри и принялся затягивать подпругу седла. Он коснулся лодыжки девушки, побуждая поставить ногу в стремя.

— Эндри... прекрати. Дом! — запротестовала она, делая попытки освободить ногу. Корэйн попыталась слезть с лошади,

но Эндри твердо удерживал ее на месте, всем своим видом выражая мрачную непреклонность.

– Мы не оставим вас, – разозлилась Корэйн.

Древний схватил уздечку ее лошади и дернул за гриву собственную кобылу, заставляя обеих лошадей пойти вперед.

– У нас нет выбора.

– Древний, у тебя нет иного выбора, кроме как ждать, – категорично заявила Сораса, не двигаясь с места. Она решительно смотрела на бессмертного. За ее спиной, из мерцающей линии, где земля встречалась с небом, показались черные всадники. – Стражам короля нет равных ни на песке, ни на дороге. Возможно, ты переживешь их на день, не больше. Но они настигнут даже тебя, и океан крови прольется напрасно.

Дом зарычал так, словно готов был прогнать ее прочь.

– Сарн, до побережья меньше дня пути.

– А что потом? Хочешь познакомиться с королевским флотом? – усмехнулась Сораса. Корэйн вынуждена была согласиться, флот айбалийцев не знал себе равных.

– Ты даже не понимаешь, в какую сторону держать путь, – добавила Сораса, махнув рукой на залив вдали и Долгое море за ним. – Но поступай так, как тебе будет угодно.

Эндри выругался, и его вспышка гнева застала Корэйн врасплох.

– Получается, у нас нет иного выбора, кроме смерти? – спросил он со злостью в голосе. Никогда, даже во время боя,

Корэйн не видела в нем такой ярости и такой безысходности. – Как для Корэйн? Так и для Варда?

Сораса как ни в чем не бывало скрестила руки на груди. Засохшая под ее ногтями кровь походила на ржавчину.

– Никто не говорил о том, что они убьют тебя, оруженосец, – устало ответила она. – Я меченая амхара. Возможно, все закончится не так уж и хорошо.

– Эй, здесь есть еще один беглец, которого ищут! – подняв палец, вмешался Чарли.

Коса Сорасы щелкнула, словно плетъ, когда она повернула голову, с усмешкой глядя на мадрентийского фальсификатора.

– Вряд ли королю Айбала есть дело до какого-то странствующего жреца с красивым почерком.

Чарли снова укрылся под защитой собственной мантии.

– На все воля богов.

– Тогда иди ты, – предложила Корэйн, снова пытаясь слезть с лошади. Но Эндри оставался непреклонен и по-прежнему не позволял ей спуститься на землю. – Беги. Им нужны мы.

Как обычно ухмыльнувшись, то есть нацепив одну из своих привычных масок, убийца отмахнулась от этого предложения.

– Пожалуй, лучше попытаю счастья с защитниками двора, и я определенно понадобится вам, – добавила она, указывая на все еще сидящего в седле Дома. – Не думаю, что в бли-

жайшее время он будет вести переговоры.

Корэйн стиснула зубы, чувствуя знакомый укол разочарования.

– Сораса.

«Тебе надо спастись», – хотела сказать она.

Дом слез с лошади. На лице бессмертного не отражалось ни единой эмоции, невозможно было понять, о чем он думает.

– Сораса, – прорычал он. – Забирай ее и уходи.

Пусть только на мгновение, но маска беспечности сползла с лица убийцы. Она быстро заморгала, на ее щеках появился румянец. Под привычной для нее уверенностью Корэйн увидела следы сомнений. Сомнений и страха.

Но Сораса отвернулась, выражение ее лица снова стало бесстрастным, словно кто-то стер все эмоции, как стер бы все слова с грифельной доски. Взмахнув окровавленной рукой, она отказалась от ожидающей ее лошади и снова устремила взгляд в сторону горизонта. Всадники уже почти настигли их, стук копыт сорока лошадей грохотал по песку.

– Слишком поздно, – пробормотала убийца.

Дом склонил голову, выглядя так же, как и в Аскале, когда истекал кровью с раной в ребрах, пока они бежали к воротам.

«Но даже в Галланде мы могли бежать. Тогда у нас был шанс». Корэйн почувствовала, как оседает в седле, и неожиданно обрадовалась тому, что Эндри рядом. Только благодаря его руке на ее лодыжке она продолжала держать себя в

руках. Оруженосец не ослабил хватку и даже не взглянул на приближающихся всадников. Теперь они слышали, как стражи выкрикивали приказы на айбалийском.

– Думаешь, он не почувствует это? – едва слышно спросил Эндри.

Корэйн посмотрела на него, отметив прямую спину и напряженно сжатые пальцы. Эндри медленно поднял голову, позволяя ей читать его так же легко, как она читала бы одну из своих карт.

– Думаешь, он не почувствует, что Веретено исчезло? – прошептал Эндри.

Несмотря на приближающихся всадников, перед глазами Корэйн предстал Таристан. Он истекал кровью, заслоняя Эндри до тех пор, пока не осталось лишь белое лицо дяди и его черные глаза, в которых сиял красный огонь. Она отвернулась до того, как он смог бы поглотить ее целиком.

Снова взглянув в сторону деревни, она принялась разглядывать руины и место, где когда-то горело Веретено. Несмотря на то что всадники продолжали приближаться, их голоса становились все громче, Корэйн почувствовала, что ее мысли уносятся все дальше и дальше.

– Надеюсь, нет, – прошептала она, молясь всем известным ей богам.

«Но если я могу чувствовать отголоски его голоса и его отсутствие...

Уверена, что и он тоже.

Как и Тот, Кто Ждет».

Глава 2

Между королевой и демоном

— Эрида —

Зажженная жаровня ударилась о стену, горячие угли рассыпались по каменному полу маленькой приемной, поджигая край старого ковра. Королева Галланда, Эрида, тут же затушила пламя, но внутри нее по-прежнему бушевал огонь. Ее лицо пылало, бледные щеки покраснели от гнева.

Корона — простая тонкая, но сверкающая полоска из золота — валялась на низком столике. В разгар войны, в холодном замке неподалеку от поля боя, в эпицентре, разрази его Веретено, урагана, ей не нужны были ни роскошные драгоценности, ни нелепые наряды.

Грудь Таристана равномерно вздымалась и опускалась, когда он голыми руками бросил очередную бронзовую чашу с горячими углями в другой конец комнаты. Создавалось впечатление, словно делать это было так же легко, как подбрасывать тряпичную куклу, но Эрида знала, что жаровня вдвое тяжелее ее самой. Ее супруг был слишком вынослив, слишком могуч. Он не чувствовал ни тяжести, ни боли.

Слава богам, на него не повлиял и яд.

Даже после замка Вергон и вскрытия последнего Веретена. Сияющий портал все еще стоял перед глазами Эриды,

почти невидимая золотая нить, такая важная и в то же время такая неприметная. Дверь в другой мир и еще одно звено в цепи ее империи.

Тень Таристана маячила позади, поблескивая в свете факелов и углей, прыгая по стене, словно чудовище. Церемониальные доспехи принца исчезли, осталась лишь темно-красная туника и бледная кожа. Без железа и позолоты он казался не менее внушительным.

Эрида жалела, что не может бросить эту тень на Вард, отправить ее в ночь на поиски той дороги, по которой теперь мчался ее кузен, лорд Кониджин. Гнев королевы разгорался все ярче, пламя подпитывалось мыслями о вероломных родственниках.

«Не хочу, чтобы Таристан убивал его, – подумала Эрида, – желаю, чтобы он притащил его сюда, покалеченного и поверженного, тогда мы сможем убить его на глазах у всего двора и положить конец его мятежу до того, как он успеет начаться».

Она представила, как ее кузен вместе со своей свитой скачут в темноте. У них было лишь небольшое преимущество перед королевскими всадниками, но небо затянули тучи, а луна и звезды скрылись за пеленой. Темная как смоль ночь стояла над переменчивой границей. Собственные солдаты королевы устали после битвы днем, их лошади еще не восстановились, чего нельзя было сказать о Кониджине, его сыне и их верных людях.

– Все спланировано, – кипя от ярости, пробормотала Эри-

да. – Он собирался убить Таристана, моего мужа, их собственного принца, и отобрать у нас трон. Но Кониджин хитер и знал, что нужно составить план и на случай неудачи.

Королева сжала руки в кулаки, жалея, что не может сама швырнуть жаровню. Или сорвать гобелены. А может, продырявить стены. Сделать что-нибудь, чтобы дать выход съедающему ее изнутри гневу, а не позволять ему разрастаться.

Эрида представила, как презрительно усмехается Кониджин, обнажая зубы под светлой бородой и уничтожающе глядя на нее голубыми глазами, его лицо походило на лицо ее ныне покойного отца. Королеву одолевало желание обхватить руками жалкое горло кузена и сжать.

Когда угли упали на пол, Красный Ронин вздрогнул и отдернул край своей алой мантии, не давая ткани загореться. Он взглянул на единственную оббитую железом дубовую дверь, ведущую обратно в парадный зал, который давно опустел.

Эрида старалась не думать о том, как ее лорды и генералы будут шептаться о попытке отравления. «Большинство останутся верны короне. Но некоторые – и их достаточно – могут выбрать иной путь. Даже оставаясь рядом со мной, некоторые хотят, чтобы Кониджин носил мою корону».

– Меня беспокоит оставленное Веретено... – начал Ронин, но, заметив пристальный взгляд Таристана, резко замолчал.

– Оно для нас потеряно. Как ты и сказал, – прорычал Таристан. Он принялся расхаживать по комнате, стуча по полу

тяжелыми сапогами. – Ублюдочное отродье, – добавил он, почти смеясь. – Кто бы мог подумать, что семнадцатилетняя девчонка доставит больше неприятностей, чем ее драгоценный отец?

Несмотря на обстоятельства, Эрида почувствовала, как дернулся уголок ее губ.

– То же самое говорили и обо мне.

Теперь Таристан действительно рассмеялся, его смех напминал скрежет стали по камню. Но веселье не достигло черных глаз, красная тень в которых шевелилась в свете ко-стра. Демон всегда находился внутри него, однако никогда его присутствие не казалось таким осязаемым, как сейчас. Эрида практически чувствовала Его ненависть и Его голод, пока Таристан мерил шагами комнату.

– Дверь в Миэр закрыта, монстров оттеснили назад, – пробормотал Ронин, судорожно сжимая рукава туники. Как и Таристан, он начал ходить взад и вперед между дверью и окном. Затем резко повернулся к принцу и королеве: – Нам остается надеяться, что к этому моменту из Миэра выпущено достаточно существ, и они продолжают изводить моряков.

– Несомненно, кракены и морские змеи окажутся весомой помехой для флотов Варда, особенно флота Айбала, – ответила Эрида. – Интересно, сколько их боевых кораблей уже лежит на дне Долгого моря?

Потеря Веретена, какой бы губительной она ни казалась, не слишком сильно волновала королеву. А вот события ве-

вчера беспокоили куда сильнее, их было невозможно игнорировать. Эрида лучше, чем кто-либо другой, знала, насколько опасны жаждущие власти придворные.

Пока она смотрела на вышагивающего по комнате Таристана и тянущуюся за ним тень, ее разум занимали мысли о Кониджине.

– Ты не забыл, что час назад мой кузен пытался тебя убить? – резко спросила она.

– Эрида, я все еще чувствую вкус яда, – резкий ответ напоминал удар плетью. Королева взглянула на рот своего супруга, его тонкие губы растянулись в усмешке. – Нет, я не забыл.

Ронин пренебрежительно махнул бледной рукой.

– Подлый недалекий человек. Он потерпел неудачу и сбежал.

– Если дать ему шанс, он способен организовать против нас восстание и привлечь на свою сторону половину королевства, – оскалившись, яростно возразила Эрида. Ей захотелось схватить за горло и мага.

К ее огромному разочарованию, Таристан лишь пожал плечами. Вены на его шее выделялись, словно белые шрамы.

– Так не давай ему такую возможность.

– Таристан, ты так мало знаешь о королевствах и дворах, – устало вздохнула Эрида. «Если бы только демон-покровитель даровал ему хоть немного благоразумия». – Насколько бы ты ни был неуязвим и силен, без моей короны ты ни-

что. Если я потеряю трон из-за этого никчемного, коварного тролля...

Услышав это, Таристан перестал расхаживать по комнате и остановился перед Эридой. Он посмотрел прямо на нее, казалось, его черные глаза могли поглотить весь мир.

И в них виделось все то же красноватое сияние.

– Ты останешься королевой, обещаю, – прорычал Таристан.

Эриде хотелось верить ему.

– Тогда слушайте меня. Вы оба, – сказала она, щелкнув пальцами и указывая на принца и мага. Слова лились быстро, словно бегущая из раны кровь: – За свои злодеяния Кониджин должен предстать перед судом. Ответить за измену, подстрекательство к мятежу, попытку убийства находящегося на троне принца, моего супруга. А затем его надо прилюдно казнить, чтобы каждый, кто может встать на его сторону, видел последствия такого выбора. Придворные, мои лорды, армия, всем им нельзя дать ни малейшего повода сомневаться в моей власти. Если я – мы – хотим продолжить нашу захватническую войну и предъявить требования на Вард, нужно действовать решительно.

Таристан сделал еще один шаг вперед, и королева почувствовала исходящий от его тела опасный жар. Сжав челюсть, он спросил:

– Может, мне стоит отправиться за ним в погоню и порадовать тебя?

Эрида едва не отмахнулась от этого предположения. Она не боялась за Таристана – он был намного сильнее почти всех в Варде. Но он не был неуязвимым. Все еще не желающие заживать шрамы на его лице являлись тому подтверждением. Что бы ни сделала Корэйн, на безупречной в остальном коже остались глубокие следы. Более того, глупо было думать, что принц-консорт сам отправится в пустыню, на чужие земли, чтобы найти своего предполагаемого врага. Но хуже всего то, что мысль о его отъезде вызывала у нее страх. «Я не хочу, чтобы он покидал меня», – поняла Эрида, хотя ей трудно было признаться в этом. Постаравшись отогнать эти мысли, она отвернулась от Таристана, переведя взгляд на единственную дверь в маленькой комнате.

За ней находился пустой парадный зал. Замок наводили шепчущиеся по углам придворные, на полях разбила лагерь армия. «Сколькох Кониджин может переманить на свою сторону? Сколько человек переметнется под его флаг, оставив мой?»

Таристан не отступил ни на шаг и продолжал смотреть на нее. Пробежавшись взглядом по лицу королевы, он пытался взглянуть ей в глаза, ожидая, когда она заговорит. Дожидаюсь ее приказа.

Подобная мысль казалась заманчивой и упоительной. Победоносный принц Древнего Кора, воин по крови и по предназначению, зависел от ее одобрения. Сие положение дел опьяняло даже королеву. Она почувствовала возникшее

между ними напряжение, оно было практически осязаемым, как натянутая струна. На мгновение Эриде захотелось, чтобы вечно причитающий крысеныш Ронин находился подальше отсюда, но маг продолжал сидеть в углу, его взгляд метался от королевы к демону и обратно.

– Ты не должен подвергать себя опасности, Таристан, – наконец ответила Эрида, надеясь, что он не услышал, как дрожит ее голос.

Ронин поднял палец и сделал шаг вперед. Какая бы нить не тянулась между королевой и консортом, волшебник аккуратно разрубил ее пополам.

– В этом мы согласны, Ваше Величество, – сказал он. – Одно Веретено потеряно. Мы должны добыть другое, причем быстро.

Эрида отвернулась. «Я не стану сражаться за внимание, особенно с этой крысой. – Скривив губы в отвращении, она ощутила, как усталость долгого дня опустилась на ее плечи. – Я начала этот день на одном поле боя, а теперь стою совсем на другом. – Используя вместо меча смекалку и интеллект, королева определенно чувствовала себя солдатом. – Сражаться с мечом было гораздо проще». Ей отчаянно захотелось ослабить шнуровку на сорочке, туго затянутую на спине под складками платья.

Но она была королевой и не могла позволить себе такую роскошь, как усталость.

Снова выпрямившись, Эрида положила руки на бедра.

– Веретено – не единственная наша потеря сегодня. Ситуация крайне опасная, – усмехнулась она, снова проклиная политическое невежество своего мужа. – Таристан из Древнего Кора может раздавить кулаком череп, но не способен вселить чувство преданности.

Она посмотрела на мужа и увидела, что черные глаза впились в нее.

– И, если уж на то пошло, я тоже не способна на это, – процедила Эрида сквозь стиснутые зубы. Сжав в кулак юбки платья, она мяла ткань. Ее грудь быстро вздымалась, слова вылетали так стремительно, что их невозможно было остановить: – Неважно, что я делаю, сколько славы или золота приношу этим отвратительным гадюкам-придворным, они не любят меня так, как подобает. Так, как любили бы мужчину, сидящего на моем троне.

Таристан внимательно слушал, на его лице появилось странное выражение. Его губы дрогнули.

– Что я должен сделать, чтобы получить их преданность? Заданный вопрос шокировал Эриду, ее глаза округлились. «Быть может, он не так уж невежественен».

– Завоюй замок, – резко ответила она, указывая на окно. Оно было закрыто ставнями, но оба знали, за ними шла война. Богатые, но слабые земли Мадренции ждали, когда их захватят. – Выиграй битву. Побеждай на каждой миле Мадренции, пока мы с тобой не водрузим галлийский флаг в центре их красивой столицы и не потребуем все, что пожелаем,

для льва. — Эрида представила, как золотисто-зеленый флаг поднимается ввысь среди сверкающих башен Партепаласа. — Принеси моим лордам победу, и за это мы заставим их любить нас.

«Как они любили моего отца и деда, и всех галлийских завоевателей, которые живут в наших портретах, легендах и песнях».

«Я могу присоединиться к ним, — подумала она. — Не в смерти, а в славе».

Королева практически чувствовала эту сердечность. Не душающий жар, исходивший от Таристана, а нежные, знакомые объятия возвращающихся домой родителей. Ее отца не стало больше четырех лет назад, мать ушла вместе с ним. Конрад и Алисандра, причиной смерти которых стала болезнь, пали жертвами слишком обычной судьбы. Эрида проклинала их кончину, неподобающую королю и королеве. И все же ей не хватало их рук и голосов, их надежной защиты.

Таристан молча, но внимательно смотрел на нее, взглядом словно касаясь ее щеки. Эрида с силой стиснула зубы и прогнала воспоминания до того, как они успели бы завладеть ее разумом. До того, как ее мужу удалось бы заметить, насколько тяжело ей вспоминать родителей.

«Я не могу предаваться скорби, — знала она. — Память о них должна стать силой, толкающей меня вперед, а не якорем».

— Завоюй, и сделай это быстро, — выдохнула Эрида, за-

прокидывая голову назад. Пепельно-русые волосы коснулись бледных щек, наконец-то свободные от замысловатой косы, пережившей утреннее кровопролитие. – Мы должны одержать победу до того, как союзники встанут на защиту этой земли. Должно быть, Сискария уже в пути, возможно, даже Калидон или тирийская флотилия. Будем надеяться, что Айбал занят сражением с чудовищами в Долгом море. Если Галланд быстро завоюет Мадренцию и мы с тобой возглавим армию этой страны, путь к формированию империи станет для всех нас намного, намного проще.

Путь к этой цели был длинным, но понятным. Легионы Галланда продолжали маршировать, прокладывая линию по долине Риверосса. Вдоль границы стояли замки – крепости, защищавшие небольшие города и процветающие фермы, но ничто не могло остановить мощь армий Эриды. Первое настоящее испытание должно было выпасть на долю Рулайна, города у слияния Риверосса и Ривеалсора. «И когда Рулайн падет, столица окажется всего в нескольких днях пути, как сокровище, ожидающее, когда на него заявят права».

– Я поручу лорду Торнуоллу провести оценку численности армий, – размышляя вслух, добавила королева, мысленно составляя список неотложных дел. – К рассвету мы узнаем, сколько человек, если таковые имеются, дезертировали с Кониджином.

Таристан разочарованно вздохнул.

– Эрида, конечно же, твой кузен не настолько могуществе-

нен, — почти успокаивающе сказал он.

— В жилах моего кузена течет королевская кровь, — парировала она, практически выплевывая слова. Несправедливость такого положения вещей все еще жгла так, словно кто-то сыпал рану солью. — Для многих в моем королевстве, не говоря уже о моем собственном дворе, этого достаточно.

Ответ Таристана был твердым и непреклонным, как и взгляд его черных глаз:

— Для меня это не имеет значения. — Эрида выдержала его взгляд, синева встретила с чернотой. Любой возможный ответ замер на ее губах. Конечно, принцу-консарту подобало принять ее сторону. В конце концов, благодаря ей он обладал властью в Галланде, как обладал силой плоти благодаря своему демону-покровителю. Но оставалось и нечто скрытое, невысказанное вслух.

Признание, которое она еще не могла понять. Но определенно хотела попытаться.

— Таристан, нельзя забывать о нашем властителе, — голос Ронина напоминал скрежет когтей по стеклу.

Эрида поджала губы и взглянула на Красного мага, который встал между ними, точно алая стена. Необязательно было смотреть в его отвратительное белое лицо, чтобы понять, какой смысл кроется в его словах. «Наш повелитель — Тот, Кто Ждет. Не королева Галланда».

И хотя Эрида считала себя равной, если не превосходящей всех, кто ходил по Варду, даже она понимала, не сто-

ит сравнивать себя с королем демонов адского Асандера. Несмотря на внешнюю уверенность, она ощутила, как по коже пробежали мурашки.

– Нам преподнесли дары, за которые надо платить, – продолжал Ронин, жестом указывая на тело Таристана.

«Теперь он силен, как бессмертный. Даже сильнее», – подумала Эрида.

В замке Вергон ее супруг голыми руками раздавил алмазы, что свидетельствует о его новой силе.

В Нэзрае Веретено даровало ему чудовищ Миэра – силу, способную держать в страхе врагов в Долгом море. «Веретено утрачено, но чудовища остались стоять на страже глубин».

А еще дар, ниспосланный в храме, где Таристан призвал войско мертвецов и убил собственного брата. «Плоть была разрезана, а затем снова слилась воедино, раны исчезли». Эрида вспомнила их первую встречу, когда Таристан порезал себе ладонь, проливая кровь прямо перед ее троном, а потом кожа снова срослась. Исцеление произошло у нее на глазах.

«Что будет дальше?» – гадала она, размышляя о Том, Кто Ждет и адском царстве, которым Он правил за пределами их собственного. Однако она не могла долго предаваться этим мыслям. Бог или дьявол, он в равной мере даровал и благословение, и проклятье. Но пока только благословение.

Принц Древнего Кора нахмурился, опустив голову так,

что рыжие пряди грубо остриженных волос упали ему на глаза. Он склонился над магом, используя преимущество своего роста и веса. Но Ронин тоже осознавал пределы своих возможностей. Он не испугался, его руки наконец перестали трястись.

– У тебя есть еще одно Веретено, маг? – спросил Таристан, сжав острые белые зубы. Его голос угасал, как угли на полу. – Какое-то другое место, куда можно меня отправить?

Глаза Ронина сверкнули.

– У меня есть несколько зацепок. Странные деяния, шепот из архивов. Шепот от Него.

Таристан поджал губы.

– Значит, пока ничего ценного.

– Мой принц, я привел тебя к трем Веретенам, – гордо сказал маг, хотя и склонил свою белую голову. Затем он посмотрел вверх, в его глазах светился красный огонь. – Не забывай, я, как и ты, владею магией Веретен и одарен дарами иного мира.

– Одарен, как я? – Таристан сжал кулак, его мысль была ясна. Ронин склонился еще ниже. – Мы все служим Тому, Кто Ждет.

Эрида посмотрела на открывшуюся взору шею волшебника, белоснежную полоску кожи.

Таристан поймал ее взгляд; затем тоже поклонился, склонив голову.

– И будем служить, – сказал он, жестом побуждая Ронина

подняться. — А ты, маг, лучше всего исполняешь свой долг, когда исследуешь пыльные книги. Нужно найти новое Веретено.

Ронин кивнул.

— И два для защиты.

«По крайней мере, это легко».

— Я убедила лорда Торнуолла оставить тысячу солдат у подножия замка Вергон, — сказала Эрида, рассматривая свое королевское кольцо. Она позволила изумруду поймать свет, и драгоценный камень засветился зеленым. Подняв голову, она увидела, что и волшебник, и принц удивленно смотрят на нее.

Быстро, но довольно улыбнувшись, она пожала плечами.

— В качестве арьергарда, — сказала она, словно подобное действие было очевидно любому. — Чтобы оказать нам поддержку при продвижении вперед и защитить нас от мести мадрентийцев, которые захотят проскользнуть мимо и пожелают угрожать Галланду.

Даже Ронин казался впечатленным.

— И, — добавила она, — чтобы подростки не смогли создать нам проблем. Веретено в безопасности, и даже Корэйн или ее непутевые стражники не смогут ничего с этим поделать.

Таристан наклонил голову.

— А как же твои солдаты? Что будет, если какой-нибудь галлийский рыцарь забредет в руины и окажется в Сияющем мире?

Эрида снова пожала плечами, одарив присутствующих вежливой улыбкой.

– Развалины Вергона достаточно неустойчивы, они возникли в результате землетрясения. Находиться там небезопасно, капитанов предупредили об этом.

– Очень хорошо, – в кои-то веки искренне сказал Ронин. – Веретено в сохранности. С каждой секундой оно подрывает основы самого Варда.

Таристан быстро и довольно ухмыльнулся.

– Еще у нас есть почти забытый храм, расположенный у подножья холма.

Волшебник кивнул, на его щеках выступили розовые пятна. Он словно возродился, то ли из-за улучшения их положения, то ли по воле своего хозяина.

– Его защищает войско мертвецов, сокрушенные солдаты Пепельных земель.

– Неужели этого недостаточно?

Вопрос Эриды повис в воздухе.

– Два открытых Веретена, которые пожирают Вард? – Она вообразила, что Веретена своего рода насекомые, грызущие источник основания мира. Перетирающие их с помощью зубов и кислоты. – Неужели теперь это лишь вопрос времени?

Из-за раздавшегося в ответ смеха Ронина по коже Эриды пробежал холодок. Маг покачал головой, будто разочаровываясь в королеве.

– Если бы все было так просто, Тот, Кто Ждет не стал бы

медлить. Но нам нужно больше. Ему нужно больше.

– Тогда найди другие, – сказал Таристан и снова зашагал по комнате. Он не мог долго стоять на одном месте. Эрида не знала, причина подобного была свойственна его натуре или же являлась следствием его дара, который метался внутри него, словно светлячок в бутылке. – Если я не могу выслеживать Кониджина, возможно, я смогу отправиться назад в пустыню. Вернуться к известному нам проходу в другой мир. Открыть путь в Миэр.

И снова королева почувствовала приводящий в замешательство укол ужаса при мысли о том, что Таристан уедет так далеко от нее. К счастью, она быстро нашлась с ответом, ум не подвел ее.

– Обычно я бы согласилась, но сотни мертвых галлийских солдат лежат сейчас в песках Айбала, – сказала Эрида, констатируя факты. Ее не беспокоила кончина воинов. Слишком многие состояли у нее на службе. Было бесполезно оплакивать их всех. – И айбалийский король не дурак. Он узнает о вторжении моей армии и подготовится. Я не могу дать другому королевству повод для войны, особенно такому могущественному. Не сейчас, не тогда, когда до Мадренции рукой подать.

Пусть окно было закрыто ставнями и за ним царила крошечная тьма, у Эриды перед глазами все еще стояла долина реки, выстроившиеся в линию замки и лес, скрывающий мадрентийскую армию. «Путь вперед».

– Каким бы сильным ни был Галланд, – вздохнула она, – я не настолько глупа, чтобы вести войну на два фронта.

Таристан открыл рот, намереваясь ответить, но Ронин прервал его взмахом руки.

– Нэзрай теперь недостижим, – сказал волшебник. – В этом мы согласны.

– Она все еще там, – прорычал Таристан. Рваные шрамы под его глазом по-прежнему отчетливо выделялись на гладкой коже. Не успев осознать, что делает, Эрида прижала ладони к его плечам и почувствовала тепло его тела под своими пальцами. Королева решительно посмотрела на своего супруга.

– Ты не сможешь поймать ее, если она вообще жива.

Он не оттолкнул ее, но опустил взгляд.

– Вполне возможно, Веретено забрало ее с собой. Быть может, опасность, которую представляла Корэйн ан-Амарат, миновала, – добавила она, и даже для ее собственных ушей это прозвучало отчаянно. «Попытка выдать желаемое за действительное. В жилах девушки течет кровь Древнего Кора, на ее стороне бессмертный и, возможно, ведьма. И только боги знают, кто еще».

– Мы оба знаем, что это неправда. – Каждое слетающее с губ Таристана слово резало, словно нож, разрубая глупую надежду Эриды на мелкие кусочки.

Но королева не отступила. Вместо этого она выпрямилась, продолжая держать руки на плечах супруга и прижимать ла-

дони к твердым мышцам.

– И мы оба знаем, какими должны быть наши дальнейшие действия, – зло возразила она.

После долгого молчания Таристан кивнул, угрюмо поджав губы.

– Маг, найди мне Веретено, – сказал он, властность в полной мере отразилась в его голосе.

«Он говорит как король», – подумала Эрида.

– Найди мне другое место, которое можно уничтожить. – Он отступил, вырываясь из хватки королевы и испытывая необходимость двигаться. – Эрида, завтра я возглавлю наступление. И положу победу к твоим ногам.

Воздух со свистом пролетел мимо зубов королевы, когда она резко сделала вдох. «Достаточно ли этого? – размышляла она. – Успеем ли мы до того, как Кониджин разрушит все, над чем мы работали, все, что мы сделали? Все то, чем я уже пожертвовала, – мою независимость, возможно, мой трон».

Красное, похожее на полумесяц сияние в глазах Таристана не оставляло место для сомнений.

«И, возможно, мою душу».

Принц наклонил голову.

– Ты сомневаешься во мне?

– Нет, – поспешно возразила Эрида. Жар залил ее щеки, и она отвернулась, пытаясь скрыть растущий румянец. Если Ронин и Таристан и заметили, то ничего не сказали.

Суетливо поправив юбки, королева разгладила их.

– В худшем случае, если мы не сможем вдохновить их на верность, не сможем завоевать сердца и умы моих придворных – мы купим их.

Таристан ошетинился, вернувшись к привычному для него безразличию. На голову королевы будто вылили ведро ледяной воды.

– Даже ты недостаточно богата для этого.

Она подошла к двери и положила руку на железную ручку. Притаившаяся по ту сторону двери Львиная гвардия замерла в ожидании, готовая встать на защиту своей молодой королевы.

– Принц Таристан, вы открыли портал в Сияющий мир, – сказала она, приоткрывая дверь. Холодный воздух, наполняющий остальную часть мрачного замка, ворвался внутрь. – У меня есть все богатства, которые нам нужны.

«И кое-что другое тоже».

Эрида вспомнила бриллианты в его кулаке, они были большими, словно яйца, а затем превратились в мелкую звездную пыль. Веретено и проблески мира, находящегося за пределами этого, Ирридас. Прекрасные камни и драгоценности сверкали, словно закованные в лед.

И она не забыла, что двигалось в нем: мерцающая буря, которая сейчас разразилась над Вардом.

Глава 3

В тени Сокола

— Сораса —

Сораса вспоминала первую ночь, которую провела в одиночестве в пустыне.

Ей было семь, слишком юная даже по меркам Гильдии, но ее обучение длилось уже четыре года.

Старшие послушники подняли ее с кровати, как и остальных двенадцать детей того же возраста. Некоторые плакали или кричали, пока их закутывали в одежды, накидывали им на голову капюшоны и связывали запястья. Сораса молчала. К тому моменту она уже знала, как лучше вести себя в такой ситуации. В то время как ей связывали руки, она вспоминала усвоенные уроки. Сжав кулаки, девочка напрягла маленькие мышцы, не давая туго затянуть узлы. Пока двое послушников несли ее, словно тряпичную куклу, впиваясь пальцами в костлявые плечи, она прислушивалась. Старшие тихо переговаривались, сетуя, что их вызвали на ночное задание.

«В полночь отвезти семерых в пустыню и оставить их там. А затем посмотреть, кто вернется живым».

Для них происходящее было шуткой, а сердце маленькой девочки сжималось от ужаса.

«До полуночи осталось три удара часов, — поняла Сораса,

мысленно считая время. — Прошло всего несколько минут с тех пор, как они погасили фонари в спальне. Почти три часа верхом до пустыни».

Она пыталась определить, в каком направлении.

Капюшон усложнял задачу, но не делал ее невозможной. Старшие послушники закинули Сорасу на спину песчаной лошади и, выйдя за ворота цитадели, повернули налево. «На юг. Жестокий юг».

По мере того, как старшие воспитанники удалялись друг от друга, развозя своих пленников в разные стороны, причитания детей начали затихать. Вскоре остались только охрана самой Сорасы и лошади, устремившиеся вперед под скрытым от глаз девочки небом. Тихо дыша, она пыталась оценить скорость животных. К счастью, те не спешили, а скакали легким галопом.

Сораса молилась всем богам. Больше всего Лашрин. Самой Смерти.

«С которой я пока не планирую встречаться».

Два дня спустя полуживая Сораса Сарн наткнулась на мираж и протянула к нему маленькие руки. Коснувшись грубого камня, а затем дерева, она улыбнулась потрескавшимся губами. То был не мираж, а ворота цитадели.

Маленькая девочка выдержала еще одно испытание.

Сораса хотела, чтобы и сейчас все прошло так же просто. Она бы многое отдала, лишь бы ее бросили в Великих Песках, не оставив ничего, кроме своей собственной смекал-

ки и звезд на небе. Вместо этого она оказалась привязана к раздражающей компании изгоев, пока к ней приближались охотники короля Айбала.

Хотя бы что-то по-прежнему оставалось неизменным.

«Лорд Меркьюри все еще поджидает меня».

Сораса задрожала при мысли о нем и о том, что он сделает, если застанет ее в этих землях.

Теперь солнце светило ярко, небо в пустыне было чистым и ослепительно голубым. Копыта лошадей поднимали песок, и он мерцал в воздухе. Стоило всадникам приблизиться, как их голоса стихли, и остались лишь пристальные взгляды в паре со щелканьем кожаных поводьев.

Придвинувшись ближе друг к другу, Соратники сомкнули ряды. Даже Сораса отступила к пальмам, ее пальцы подрагивали от нового прилива энергии, пробежавшего по венам. Корэйн слезла с лошади, Эндри и Дом обступили ее с двух сторон, в руках они держали мечи. Чарли протиснулся к ним и откинул капюшон, демонстрируя красное лицо и взъерошенные русые волосы. На сей раз Вальтик не исчезла, но и не сдвинулась с места, продолжая сидеть на камне. Сораса сомневалась, что она вообще заметила приближающихся всадников.

Только Сигилла по-прежнему стояла неподвижно, силуэт ее крупной фигуры вырисовывался на фоне приближающейся бури. Топор в ее руке повернулся, острое лезвие блеснуло на солнце. Ухмыляясь, темурийка стерла с него последнюю

каплю старой крови.

– Как мило с их стороны дожидаться своей очереди, – проворчала охотница за головами.

Сораса презрительно фыркнула.

– Король Айбала не отличается вежливостью.

Дом не ошибся. Сораса увидела сорок всадников на сорока лошадях, один из них нес флаг Айбала. «Хуже, чем флаг Айбала», – поняла Сораса, когда прищурилась, глядя на штандарт, развевающийся на фоне неба.

Все мысли о лорде Меркьюри улетучились.

На первый взгляд, герб на флаге был похож на герб Айбала – изысканный золотой дракон на темно-синем фоне. Но Сораса заметила серебро в крыльях, меньшее тело, а еще пронизательные глаза, оттененные сверкающим металлом и голубыми драгоценными камнями. То был не дракон, а сокол. В когтях он держал заметно изогнутый меч. «Защитники двора», – так о них сказала Сораса остальным. Но любой сын или дочь Айбала знали их символ и их имя.

– Кто они? – схватив Сорасу за руку, тихо спросила Корэйн.

Сораса лишь стиснула зубы.

– Мардж-Сакират, – выдавила она. Стоявшая впереди нее Сигилла напряглась. – Соколы Короны. Стражи, присягнувшие королю Айбала.

Подобно Львиной гвардии королевы Эриды или Прирожденным защитникам императора Темуриджена, Соколов от-

бирали крайне тщательно. Их мастерство, как и преданность трону Айбала, не знали границ. Сораса понимала: даже учитывая наличие Древнего, у них мало шансов отбиться от стражей. Большинство Соколов обучались с детства, их вербовали в юном возрасте, как когда-то давно и саму Сорасу.

«Мы не такие уж разные. Я училась убивать для Гильдии Амхара. Они учились убивать для короны».

Соколы кружили вокруг Соратников, как загоняющие добычу волки. Их полные энергии, идеально обученные песчаные лошади держали четкий строй. Бока животных отливали эбеновым, каштановым и золотым цветами, а седла были выполнены в форме темных крыльев. Соколы носили черные мантии – свободный верхний слой задерживал жар пустыни, позволяя одежде и коже под ними оставаться прохладными. Их головы были обернуты такой же тканью, украшенные лишь косами из золотых, серебряных и темно-синих нитей. Ни шлемов, ни доспехов. Дополнительное обмундирование лишь замедлило бы их путь по пустыне. У каждого из них имелась пара кинжалов, тонкие кожаные ремни были переkreщены на груди, а к каждому седлу крепился меч. Клинки напоминали оружие Сорасы, тоже из бронзовой стали, но изготовленные гораздо более искусно.

Песок поднялся небольшим вихрем, задержавшись в воздухе, даже когда лошади остановились лицом к Соратникам. Соколы оставались сосредоточенными и собранными, но не нападали. Их мечи оставались в ножнах, рты были закрыты.

Сораса удивилась, не увидев среди них короля, ведь Соколам полагалось всегда защищать его. Сидевшие на песчаных лошадях мужчины, все как один молодые и худощавые, образовывали стену из зорких глаз и неподвижных рук. Сораса искала в их лицах отражение другого предводителя, охотясь за малейшим мерцанием власти. Под головными уборами всадников Сораса заметила бронзовую кожу, черные глаза и широкие брови. Люди с берегов Айбала и реки Зайрон, из великолепных городов. Большинство – сыновья богатых лордов, дипломатов, генералов и ученых. Без сомнения, отданные королю в надежде добиться большей благосклонности.

«Совсем не похожие на меня, – поняла Сораса. – Взятую с потерпевшего крушения корабля невольников девочку, спасенную от смерти или цепей».

Несколько всадников смотрели на амхару. Они не встречались с ней взглядом, но рассматривали ее одежду, амхарский кинжал, покрытые татуировками руки и шею. Символы, свидетельствующие о том, кем она когда-то была и откуда пришла.

Она наблюдала, как они негодовали, их взгляды становились все мрачнее, а лица искажало отвращение. Стражи короля не любили убийц. «Нас даже можно назвать врагами», – подумала Сораса. Ее сердце колотилось, пульс сбился с ровного ритма.

Стоящий рядом с ней Дом придвинулся ближе, окинув ее взглядом, в котором читался вопрос. «Он слышит, как быст-

ро стучит мое сердце, – поняла Сораса, борясь с нахлынувшим чувством стыда. Стиснув зубы, убийца попыталась замедлить сердцебиение. – Слышит мой страх».

«Сорок Соколов не задумываясь убьют такую, как я, даже если я больше не амхара. – Она разочарованно сжала челюсть. – Даже если я пытаюсь спасти мир от полного уничтожения».

Затем Дом открыл рот и прогнал прочь все ее страхи, заменив их смущением.

– Мы – Соратники, последняя надежда Варда, – крикнул он, обнажая свой двуручный меч. По мнению Сорасы, массивный клинок все еще выглядел глупо. Она вздрогнула, когда гордый голос Древнего разнесся по пустыне: – Вам не встать у нас на пути.

Судя по глазам некоторых Соколов, услышанное развеселило их.

Сорасе захотелось ударить бессмертного. «Понимает ли он, как смешно звучат его слова?»

– Мои извинения, но я не знаю, кто такие Соратники, – послышался голос одного из всадников.

Взгляд Сорасы метнулся к нему, их лидеру. Ничто не отличало его от остальных, но он поднял руку, отодвигая ткань с лица. Красивый мужчина с грубоватыми чертами лица, он хорошо выглядел для своих приблизительно сорока лет. У него был большой нос с горбинкой и аккуратная черная борода со следами седины. Амхара отметила морщины вокруг

его рта, появившиеся от частых улыбок, что было странно для Сокола. Еще более странно для Сокола, у которого нет короля, которого нужно защищать.

Глупец Древний совершенно не смутился. Он встал перед Корэйн, заслоняя ее от глаз посторонних.

– Я Домакриан, принц Айоны...

Когда Сораса ткнула его локтем в бок, ей показалось, что она коснулась гранита.

– Говорить буду я, глупый тролль, – проворчала она себе под нос.

К чести Дома, он воспринял оскорбление спокойно, едва скривив губы. «Либо он ко мне привык, либо понимает – в окружении сорока солдат лучше не спорить».

Стоящий где-то позади Чарли фыркнул, его слова были полны страха.

– Тогда тебе лучше начать говорить, Сораса. Я не собираюсь просто стоять здесь и ждать, пока меня убьют.

– Если бы они хотели нас убить, ты был бы уже мертв, жрец, – ответила Сигилла, лениво поглаживая свой топор.

Сораса проигнорировала обоих, устремив взгляд на командира. Она изучала его лицо, пытаясь прочесть эмоции, но безрезультатно.

– Соколы поклялись защищать Амдираса ан-Амсира, короля Айбала, Великого повелителя флотилии, Защитника Ширана, Принца соли. – Она с легкостью перечисляла многочисленные титулы их короля. А затем добавила более рез-

ко: – Но я не вижу его здесь. Каким ветром Соколов занесло так далеко от их короля?

На щеке командира дернулся мускул. Он выдержал ее взгляд, его губы вытянулись в тонкую линию, морщины вокруг рта исчезли.

– Какой контракт посылает амхара на резню целого города?

– Думаете, это была я? – Сораса хохотнула, приложив руку к груди. – Весьма польщена, но знаете, в Гильдии так не принято. С другой стороны, галлийские солдаты... – Оскалившись, она продолжила уже более твердо: – Ради любви своей королевы они готовы сравнять с землей города.

Командир не ответил и по-прежнему хмуро смотрел на группу.

Сжав челюсти, Сораса кивнула в сторону Нэзрая.

– Давайте, отправьте в город одного из своих голубков. Проверьте тела. Изучите доспехи. Вы обнаружите, что оазис буквально усеян львами. И помните про морских змей. Не уверена, что мы прикончили всех, – добавила Сораса.

Командир не вздрогнул. Не сострил, не рассмеялся и не проигнорировал ее. Он даже не моргнул. Корэйн вырвалась за пределы защитной клетки, которую образовывали Дом и Эндри. Она отмахнулась от них до того, как они успели остановить ее, и, прикрывая глаза рукой, вышла на ослепляющий свет.

Ее ладонь все еще не зажила и кровоточила.

Пиратская дочь рассматривала Соколов, изучая их, как изучают карту или сургучную печать.

– Похоже, эта новость не шокирует вас, сэр, – едко заметила Корэйн.

Сораса не могла дать точное название чувству, возникшему у нее в груди, но подумала, что это могла быть гордость.

– Вам сообщили, что можно встретить здесь, – продолжала Корэйн, делая еще один шаг вперед. Песок зашуршал вокруг ее потертых сапог.

Соколы перевели взгляд на девушку. Она сбивала их с толку. Вид Корэйн с Веретенным клинком на спине вызывал противоречия. Девочка-подросток не была воином, но она носила меч воина и стояла прямо, как стоял бы любой король.

– Монстры из другого мира, – уверенно продолжала она. – Сорванное Веретено.

Соколы были прежде всего солдатами, которых ценили за их физическую силу и преданность, а не за знание политики или тактичность. Без маскировки на лице командира было легко увидеть выражение его глаз. Отражение правды.

– И девушка, которая может спасти мир. Или покончить с ним, – закончил Сокол.

Несмотря на все, что они сделали и что им еще предстояло сделать, Сораса Сарн почувствовала облегчение.

«По какой бы причине они ни оказались здесь, их планы не включают в себя расправу. По крайней мере, что касается

Корэйн».

Но чувство быстро исчезло.

Командир пришпорил своего коня и рысью вошел в круг. Он остановился на безопасном расстоянии от Корэйн, но достаточном, чтобы Дом и Эндри занервничали. Оба решительно, как и всегда, придвинулись к девушке. На этот раз она не стала останавливать их.

– Я беру Корэйн ан-Амарат под стражу, – сказал командир.

Сораса мысленно застонала.

Дом поднял меч, клинок неистово сверкал обилием солнечного света.

– Можете попытаться.

Ни капли не испугавшись, командир продолжал невозмутимо смотреть на Соратников. «Даже учитывая Дома, у Сокола все равно численное преимущество. У него нет причин бояться нас».

Сораса не двигалась, но продумывала варианты, как можно использовать свои кинжалы и меч. И не нашла для этого ни единой возможности.

Корэйн подняла подбородок, подставив золотистую кожу солнечным лучам. В пустыне она меньше походила на своего дядю, но черные глаза остались прежними, загадочные и такие же всепоглощающие, сравнимые с чернотой ночи.

Окинув командира пронизательным взглядом, она произнесла:

– Вы знаете мое имя, сэр, – сердито проворчала девушка. – Будет справедливо, если вы назовете свое. – Сораса снова почувствовала непривычную для нее вспышку гордости.

Командир моргнул, садясь ровнее, словно нахохлившаяся птица. Затем на некоторое время замер, еще раз оглядел Корэйн, ее меч, потертые сапоги, испачканную кровью и грязью одежду. Затем он взглянул на странных Соратников, сплотившихся за ее спиной, но столь же непохожих друг на друга, как волки и орлы.

Сораса отчасти ждала, что Дом опять скажет что-нибудь дерзкое и глупое, но на этот раз он держал свой бессмертный рот на замке.

– Я – Хазид лин-Лира, капитан Мардж-Сакирата.

Выражение лица Сорасы оставалось спокойным, но ее челюсти сжались. «Командир Соколов Короны, их предводитель, ближайший телохранитель короля Айбала. Послан за нами – за Корэйн».

– Конечно же, остальные могут сопровождать ее, – добавил лин-Лира, еще раз посмотрев на странную компанию.

Сораса чуть не рассмеялась над абсурдом этого предложения.

– А если мы откажемся?

Лин-Лира сжал поводья в кулак.

– У меня есть приказ, амхара.

Корэйн не спасовала. Как и всегда готовая к борьбе, она пристально посмотрела на айбалийского командира.

– Куда именно сопровождать?

Соколы одновременно отдали честь, каждый изобразил круг на лбу, затем полумесяц на груди, и нарисовал воображаемую петлю от плеча к плечу. Солнце и луна. Знак Лашрин.

«Знак...»

– К Его Несравненному Высочеству, Избранному Лашрин, – сказал лин-Лира, и его голос подозрительно дрогнул. – Наследнику Айбала.

* * *

Из заднего ряда Соколов им выделили полностью запряженных песчаных лошадей. Ни один караван или конница не входили в Великие пески без запасных лошадей, и сейчас их было более чем достаточно. «По крайней мере, никому не придется ехать вместе с Вальтик, – подумала Сораса, находя хоть что-то хорошее в их отвратительной реальности. – Или Чарли, если уж на то пошло». Падший жрец подпрыгивал в седле, словно мешок с картошкой, и Сораса поморщилась, жалея бедную песчаную кобылу, которой предстояло вести его через пустыню туда, куда бы ни повели их Соколы.

Сораса заметила, что решительность Корэйн улетучилась, стоило Эндри помочь ей снова сесть в седло. Благодаря годам труда в качестве оруженосца он действовал быстро и умело, заботился о ней, как о славном галлийском рыцаре.

Сжав губы в тонкую линию, Корэйн молча наблюдала за ним, и Сораса практически видела, как слова пытаются сорваться с ее уст.

«Позволь страху вести тебя дальше», – хотела сказать Сораса, но промолчала. Пора было прислушаться к собственному совету. Она боялась Соколов, страшилась Наследника, остерегалась того, что любой член двора Айбала может сделать с амхара. Но эти страхи были ничтожны по сравнению с тем, что нависало над ними – и что осталось позади.

Черная шерсть ее лошади блестела, длинная грива животного защищала его от мух и безжалостного солнца. Сораса провела рукой по гриве и крепко схватила ее, находя успокоение в присутствии умного и сильного создания.

«Одно Веретено закрыто». Сколько еще осталось, о скольких о них знал Таристан, она сказать не могла. Сораса сомневалась, что даже Вальтик ведаёт об этом, но было не время спрашивать.

Соколы держали свои мечи в ножнах, но Сораса все равно чувствовала себя пленницей. Они выстроились в колонну, в центре которой находились Соратники. Сигилла и Сораса ехали впереди Корэйн, Эндри и Дом замыкали колонну, а Вальтик и Чарли теснились позади.

Щелкнув поводьями, лин-Лира погнал своих Соколов вперед, а вместе с ними и песчаных лошадей.

Все, что могла сделать Сораса, – все, что мог сделать любой из них, – это следовать за ними.

Телохранители короля молча сопровождали их, ведя на юго-восток, солнце начало свой путь вниз по небу. Лин-Лира взял хороший темп, быстрый, но не изнурительный.

Похожий на нервную курицу-наседку Дом держался рядом с Корэйн и не отрываясь смотрел ей в спину, готовый подхватить девушку, если она упадет. Благодаря его готовности оберегать Корэйн Сораса ощутила себя более спокойно и позволила себе сосредоточиться на привычной плавной поступи песчаной лошади.

Голос Сигиллы, сначала неразборчивый, пробился сквозь ровный стук копыт. На юге темурийский язык был редкостью, и Сорасе пришлось сосредоточиться, чтобы понять его. Она посмотрела налево, на ехавшую рядом охотницу за головами.

Сигилла наклонилась к Сорасе, повторяя сказанное медленнее, чтобы та могла легче понять слова. Ее родной язык был удобной защитой от всех, кто их окружал.

– Что они сделают с Корэйн? – прошипела Сигилла. – Что Наследнику Айбала нужно от пиратской дочери?

– Мы все знаем, что это не единственный ее титул, – ответила Сораса, ее собственный темурийский звучал в лучшем случае неуверенно.

Она посмотрела вперед, сквозьдвигающихся вперед лошадей, которые неумолимо поднимали песок. Скакавший во главе колонны лин-Лира низко склонился над шеей своей лошади.

– Я не боюсь за Корэйн, пока нет, – добавила Сораса. – Кажется Соколы достаточно откровенны с нами... но почему командир направляется к Наследнику? А не к королю, которого он поклялся защищать?

Сигилла нахмурилась.

– Слишком много вопросов, и слишком мало ответов. Я скучаю по простым и понятным контрактам, – сказала она. – Хватай, тащи и получай деньги. Вместо этого мое лицо сгорает на солнце в вашей богом забытой пустыне, и от меня все еще воняет кракеном.

Кожа Сорасы покрылась мурашками при мысли о путешествии через Великие Пески в компании остальных членов их группы.

– Мы можем оторваться от них, – внезапно добавила Сигилла уже более резко.

– И где спрячемся? – огрызнулась Сораса.

Охотница за головами пожала широкими плечами, подбородком указывая на все, что их окружало.

Почти всюду была пустыня, и лишь суровые красные скалы Марджеджа или безжалостные соленые волны Долгого моря пересекали песок. Хотя лошади были ухоженными и достаточно резвыми, на них не висели седельные сумки. Даже если бы Соратникам удалось каким-то образом оторваться от Соколов, им бы пришлось провести много недель без еды, пресной воды и хоть какой-то помощи.

– О чем они шепчутся? – глядя на Корэйн, пророкотал

едущий позади них Дом.

– Я не знаю темурийский, – раздраженно ответила Кор-эйн.

Сигилла проигнорировала их.

– Они позволили нам оставить оружие. Мой топор, меч Дома. Мы можем подрезать птичкам крылья и уйти.

К сожалению, предложение было чистой воды авантюрой. Сораса покачала головой и крепче вцепилась в гриву лошади.

– Забудь о Соколах. Теперь мы в когтях Дракона.

По тому, как охотница за головами нахмурилась, снова прямее усаживаясь в седле, Сораса поняла – спор еще не окончен. Сигилла не уступала даже в самых безнадежных ситуациях. Темурийцы слыли искусными тактиками, их учили сражаться до горького, славного конца, и обычно они получали победу.

«Но не сегодня, – поняла Сораса. – Быть может, завтра».

* * *

Они скакали всю ночь. Была глубокая осень, весенние цветы Айбала уже давно отцвели, но Сораса все еще чувствовала травянистые нотки где-то нашедшего воду можжевельника. Мышцы убийцы болели, окоченевшие от снизившейся температуры и долгих часов непрерывной верховой езды. После рассвета, когда жара вернулась и солнце начало

свое восхождение вверх по небу, лин-Лира наконец свистнул, приказывая остановиться. Корэйн и Чарли слезли с лошадей и, споткнувшись на ослабших ногах, упали на песок, а затем обменялись вымученными улыбками.

– По крайней мере, я не один такой, – усмехнулся Чарли, поднимаясь с помощью Эндри.

Корэйн встала сама, затем отряхнула пыль с коленей и пошевелила пальцами, затекшими от необходимости много часов удерживать поводья. Дом оставался рядом с ней, совсем не утомленный путешествием. Он смотрел по сторонам, словно одним лишь взглядом мог обратить Соколов в бегство.

Следуя примеру лин-Лире, Соколы все как один спешили и отвели своих лошадей в тень песчаной дюны. В считанные минуты они соорудили загон из веревок, огородив песчаных лошадей. Сораса наблюдала, как в мгновение ока выросла остальная часть лагеря, Соколы работали быстро и слаженно. Они вытащили из своих выюков простыни, некоторые размером с корабельный парус, развернули их, связали, а затем вбили колышки в песок. Асимметричные шатры служили простой, но эффективной защитой, позволявшей создать своего рода одеяло из тени. Соколы знали, как пересечь Великие пески и не умереть. Они спали в самую сильную жару и продолжали путь в прохладные ночные часы.

Сораса следила за лин-Лирой, который не упускал из виду Корэйн, его темные глаза пронзали ее, подобно копьям. Он

наблюдал за ней не как хищник, а как ученый, пытающийся решить уравнение. Командир Соколов не сводил с нее глаз, ни разу не взглянув даже на Дома – ее крупную няньку в испачканной кровью одежде.

Отпустив лошадь в загон, Сораса присоединилась к ним, спрятавшись в тени Дома.

– Ну и видок у нас, – в сотый раз пробормотала убийца.

Как всегда мрачный, Дом грозно возвышался над Корэйн, как несгибаемое дерево.

Посмотрев на него, Корэйн усмехнулась и принялась доставать свое покрывало для сна, а также плащ.

– Будешь стоять так весь день?

Дом расправил плечи, непонятно как оказавшись выше еще на дюйм или два.

– Я не спущу с тебя глаз, пока вокруг враги.

– У тебя острое зрение, Древний. Дай ей хотя бы возможность дышать спокойно, – сказала Сораса, отгоняя его взмахом руки.

Эндри кивнул, соглашаясь с Домом.

– Мы должны сами нести дозор, – твердо сказал он, усаживаясь на свою накидку. Оруженосец вытянул длинные ноги и положил руки на колени. – Я могу дежурить первым.

– Потом я, – буркнула Сигилла, кладя топор по другую сторону от Корэйна.

Вместо ответа со стороны Чарли раздался храп, завернутый в накидку падший жрец выглядел очень мило.

– Пожалуй, я буду последним, – предложил Дом, все еще продолжая стоять. Остальные кивнули, но Сораса знала, что Древний не станет спать. Он будет нести вахту в течение долгих жарких часов.

Она бы с радостью сделала то же самое, но чувствовала, как усталость сковывает ее конечности и пробирается к разуму. Убийца снова взглянула на лин-Лиру, все еще смотревшего в их сторону. На этот раз Корэйн тоже повернулась в его сторону и поджала губы.

– Он не знает, зачем его послали за тобой и чего хочет Наследник, – пробормотала Сораса, наклоняясь, чтобы говорить Корэйн на ухо. – Сейчас нет смысла допрашивать его.

– Все равно я слишком устала, чтобы даже пытаться, – прошептала в ответ Корэйн. Прикрыв глаза, она развернула плащ, готовя для себя постель.

– Очень сомневаюсь, – возразила Сораса. – Твое любопытно бесконечно, как горизонт.

Корэйн покраснела и натянула плащ до подбородка.

Сорасе хотелось сделать то же самое, заснуть на время дневной жары. Вместо этого она взглянула на песчаный склон над лагерем. Шесть Соколов смотрели из тени песчаной дюны, наблюдая за каждым из них. Они буквально прожигали ее взглядом.

Сигилла устремила взгляд в сторону дозорных Соколов, не желая моргать. Разочарование темурийской женщины было настолько ощутимым, что, казалось, воздух заволокло ды-

мом.

– Каждый миг рядом с ними отделяет нас от завершения нашего дела, – резко заявила она.

Сораса устало вздохнула.

– И как именно мы покончим с нашим делом?

– С помощью следующего Веретена, – пожав плечами, ответила Сигилла.

– И где же оно? – парировала Сораса.

Хмурый взгляд темурийки стал еще мрачнее, и она указала подбородком в сторону.

– Спроси ведьму.

Вальтик сидела на краю тени и пальцами ног рисовала на горячем песке спиралевидные узоры, тихо напевая на непонятном джидийском.

– Что она говорит? – спросила Сигилла, наклонив голову в сторону.

Сораса махнула рукой.

– Вообще не хочу знать.

– Он сказал, что Наследник Избранный Лашрин, – Сигилла произнесла имя богини шепотом, но не из-за неуважения, а из страха.

– Рожденная в королевской семье особа, говорящая от имени богини, – безразлично ответила Сораса. Расположившись в нескольких ярдах, но все еще в прохладной тени, убийца занялась обустройством своего места.

Конечно же, услышав это, лежавшая на импровизирован-

ной кровати Корэйн приподнялась. Она боролась с усталостью, но все еще бодрствовала и прислушивалась.

– Что это значит?

– Лашрин – покровительница многих, – вздохнула Сораса, с отработанной во время многих лет точностью разворачивая свой плащ. – Для Айбала она самая священная из пантеона богов. Солнце и луна. Дарующая жизнь.

– А еще богиня смерти, – пробормотала Сигилла, скрепящая массивные предплечья. Словно так она могла защититься от самой Лашрин. Но не было стены, на которую не смогла бы взобраться богиня, не было крепости, которую она не смогла бы разрушить. Невозможно было спастись от Благословенной Лашрин.

«Возможно, даже самому миру не удастся скрыться от ее руки».

Сораса усмехнулась.

– Я отлично знаю, что жизнь и смерть – две стороны одной монеты.

– Значит, нас тащат в секту, поклоняющуюся смерти, – рявкнул Дом, его изумрудные глаза потемнели.

– Избранные Лашрин чтят как жизнь, так и смерть, как свет, так и тьму, – ответила Сораса.

– Наследник попытается убить нас? – широко зевая, спросила Корэйн. Несмотря на то что она провела весь день в капюшоне, на ее щеках и носу появился красный румянец.

Нахмурившись, Сораса покачала головой:

– Корэйн, я уже говорила, если бы цель состояла именно в этом, мы бы уже были мертвы. А тебе пора спать. Возможно, у тебя еще есть силы для своих нескончаемых вопросов, а вот у меня нет.

Устроившийся рядом с ней Эндри усмехнулся, прикрыв рот ладонью. Даже уголки губ Дома едва заметно дернулись, грозя лишить его привычной хмурой гримасы.

Корэйн выпрямилась и быстро заморгала.

– До того, как вы с Домом приехали в Лемарту и нашли меня, я находила покупателей на все, что незаконно ввозила или крада моя мать. Одной из последних отправленных мною грузов был ящик джидийских мехов. Он предназначался для королевского двора Айбала. Мне показалось странным, что король пустыни покупает волчьи шкуры, но он хорошо платил, так что я не стала расспрашивать об этом. Однако теперь... – В ее глазах вспыхнуло понимание. – Король Айбала уже несколько месяцев находится в горах Благословенных и намерен остаться там надолго.

Сораса ощутила, как мурашки пробежали по ее телу, воздух пустыни охлаждал ее кожу. Перебирая обрывки воспоминаний, она пыталась вспомнить. Прошло всего лишь несколько месяцев, но теперь те дни казались далеким прошлым.

– До меня дошли слухи, что королевская семья рано покинула придворную цитадель в Калираме, но...

Корэйн согласно кивнула.

– Ты не задумывалась над этим. Всего лишь королевские особы и их странные причуды. Я считала точно так же.

– Займор находится далеко на юге, в многих неделях пути по труднопроходимой местности, – выругалась Сигилла, имея в виду летний дворец в южных горах. Она встала и принялась ходить туда-сюда, ее тяжелые сапоги оставляли борозды в земле. Охотница за головами снова бросила взгляд на дозорных в дюнах. – Мимо песков, к верховьям Зайрона, потом в сами горы...

Сораса стиснула зубы, ее разочарование достигло предела.

– Спасибо, Сигилла. Я бывала там. – Корэйн открыла рот, снова желая задать очередной вопрос, но Сораса отмахнулась от нее.

Она помнила дворец, хотя и с трудом.

«Один из моих первых контрактов. Я даже не проникла внутрь. Это было ни к чему. Он был всего лишь неуклюжим мальчишкой, которому нравилось бегать по холмам и гоняться за овцами. Убийство получилось быстрым и легким и, возможно, неизбежным. Такое количество утесов – явная опасность для любого бесстрашного принца».

– Королевские особы – странные создания, – пожал худыми плечами, предположил Эндри. – Как сказала Корэйн, у них бывают мимолетные наваждения.

Корэйн тоже пожал плечами и обхватила руками колени. Веретенный клинок лежал рядом, наполовину завернутый в

плащ. В кои-то веки она выглядела на свой возраст. Маленькая, неприметная. Девушка среди волков. Учитывая Нэзрай, кракена и закрытие Веретена, Сораса знала, что это впечатление обманчиво.

Убийца стиснула зубы, продолжая лихорадочно обдумывать услышанное.

– В сезон Займор – убежище от жары знойного лета Айбала. Каждый год айбалийские короли плывут по реке на юг, покидая свои тенистые цитадели и благоухающие лагуны ради гор. Но зимы там суровые. Футы снега. Ураганы. Весна и осень тоже таят в себе опасность. – «Даже самое безмозглое королевское отродье не отправилось бы в Займор ради развлечения. Не говоря уже о короле Айбала». – Не самое подходящее место для стареющего короля и многочисленных ветвей его благословенного дерева.

Однако, учитывая развернутое Веретено и Таристана из Древнего Кора, который стремился разрушить мир и править им, Сораса задумалась. «А может, король узнал, что происходит нечто неладное, раньше, чем об этом узнала я? До того, как узнала Корэйн? Даже раньше Дома?»

– Но они уехали несколько месяцев назад, еще до того, как все это началось, – сказал Эндри, в замешательстве нахмутив темные брови. После нескольких дней, проведенных в пустыне, на его смуглой коже появились новые веснушки, походившие на темные звезды.

– А когда именно это началось? – ответила Сораса, взгля-

нуж на возвышающегося над ними Древнего.

Дом молча встретил ее пристальный взгляд, его губы были плотно сжаты. Древнего всегда было легко прочесть, ведь он едва ли испытывал эмоции, чтобы знать, как их скрыть. Сораса увидела на его лице сомнение, ясное, как чистое голубое небо.

– Когда украли меч, – предположила Корэйн. – Каким-то образом моему дяде удалось пройти мимо бессмертных стражей Айоны и попасть в их хранилища. Он забрал Веретенной клинок и принялся разрушать мир.

Убийца не отвела взгляд, тигриные глаза встретились с изумрудными, потемневшими почти до черноты. После долгого молчания Дом сдался и заговорил:

– Все началось тридцать шесть лет назад, – пробормотал он, и Корэйн резко повернулась, чтобы посмотреть на него. – Когда родилась пара близнецов, наследников Кора, их мать умирала, даруя им жизнь. Два мальчика, два пути. И лишь одну судьбу сумела предвидеть правительница.

На этот раз Корэйн хранила молчание, ее дыхание вырывалось сквозь стиснутые зубы.

Но вопрос, который она не смела задать, был очевиден.

Сораса спросила за нее:

– И что это была за судьба?

Веки Дома дрогнули, и он подвинулся, отчего шрамы на его лице стали выделяться еще резче.

– Разрушение мира, – сказал он. – Конец света.

Сидящая на земле Корэйн сделала резкий вдох. Сораса тоже резко втянула воздух, ее сердце снова учащенно забилося. «Путь к этому дню длится тридцать шесть лет», – подумала она, чувствуя, как гнев и страх сплетаются воедино.

– Хотя я и не знаю вашу правительницу, Древний, у меня нет никакого желания встречаться с ней, – выпалила она, почти шипя.

К ее удивлению, Дом лишь опустил взгляд. Было очевидно, что он испытывает стыд.

В нескольких ярдах от них слышалась навязчивая колыбельная Вальтик, она клубилась, словно дым, и уносилась в небеса. Обычно разглагольствования ведьмы в лучшем случае раздражали. Теперь же, услышав эти звуки, Сораса поежилась, как и Древний.

– Не думаю, что ваша правительница была единственной, кто увидел такой исход, – вздохнула Сораса, снова подумав о горах и созданном для лета дворце.

Что-то пробежало по ее спине. Ужас, подобный которому она испытывала лишь в детстве, когда послушники оставили ее одну босую в песках и со связанными руками.

Но даже тогда она знала, в каком направлении бежать. «Теперь спасения нет, и все же я продолжаю идти вперед. Не знаю, куда. Как не ведает и никто другой».

Глава 4

И пусть услышит нас бог

— Эндри —

Почему-то в присутствии Соколов Эндри почувствовал облегчение. Казалось, обмотанный вокруг его тела жгут день за днем понемногу ослабевал, даже когда они скакали дальше по пустыне.

— Дорога — именно то, что тебе нужно, — сказала Корэйн на третье утро, когда они принялись разбивать лагерь. За спиной девушки забрезжил рассвет, окрашивая ее силуэт в красный. Глаза пиратской дочери согревали теплом, а выражение лица было дружелюбным. Когда она смотрела на него вот так, казалось, будто она ласкает его взглядом.

Эндри опустил голову, скрывая проступивший на щеках румянец.

— Я привык путешествовать, — ответил он, размышляя над своими словами. — Если закрыть глаза, то можно притвориться.

Корэйн озадаченно моргнула.

— То есть притвориться?

— Что ничего из этого никогда не было, — тихо ответил он, затем сглотнул внезапно появившийся в горле комок. — Что я дома, в Аскале, в казармах. Я снова оруженосец, и все

произошедшее оказалось лишь сном.

Он чувствовал запах лошади, слышал издаваемые ею звуки, а еще звяканье сбруи, тяжелое дыхание ближайшего всадника. Если не видеть пустыню, бесконечный горизонт, Соколов в черных одеждах и находившуюся рядом с ним Корэйн, силуэт которой был хорошо знаком даже с учетом накинутаго на ее голову капюшона... и не открывать глаза, тогда можно было бы подумать, что он по-прежнему дома. Тренируется бок о бок с другими оруженосцами, посещает уроки верховой езды на тренировочной площадке двора или мчится по плодородным землям за пределами Аскала. В те времена, когда его беспокоил лишь ухудшающийся кашель матери и насмешки Лимона. Ничто по сравнению с тем бременем, которое он нес теперь, – страх за мать, за себя, за Корэйн и за мир. Эндри пытался не чувствовать тяжесть висевшего на поясе меча. Старался не обращать внимания на жар, который ощущал из-за беспощадного палящего солнца.

Он старался не вспоминать.

И в течение долгих, блаженных минут ему это удавалось.

Но затем лица возвращались, снова всплывая перед его взором. И везде были галлийские солдаты, их зеленые туники окрашены в алый, а жизни оборваны его собственной рукой. Снова и снова он погружал меч в их плоть, пока сталь не стала красной и он не почувствовал во рту привкус их крови.

Эндри устался на свои цепляющиеся за поводья руки, кожа оставила следы на темных пальцах. Если прищуриться,

на них можно было увидеть кровь. Их кровь.

Снова взглянув на Корэйн, он заметил на ее лице сожаление.

– Ты сделал это ради Варда, – решительно сказала она, бросая свой мешок. – Чтобы спасти себя. Спасти меня. Чтобы сберечь свою мать.

Но он помнил, как кончик его клинка упирался в плоть солдат. Невыносимые воспоминания. Эндри хотелось сбросить бремя их смерти, позволить ему соскользнуть с плеч, словно тяжелый груз. Вместо этого павшие держались за него, впиваясь холодными пальцами и ногтями, тем самым отягощая каждый дюйм продвижения вперед.

Солнце краснело на горизонте, окрашивая пустыню в пылающие оттенки меди. Его тепло согревало лицо оруженосца, приятно лаская кожу после ночи верхом. Песчаная лошадь стояла рядом, ожидая, когда ее распрягут. Животное было обучено терпеливо ждать своего часа.

«Не то что я», – подумал он.

– Эндри.

Резкий голос Корэйн прозвучал совсем близко, заставив его подпрыгнуть от неожиданности.

Она все еще стояла всего в футе от него, решительно глядя ему прямо в глаза.

– Перестань корить себя, – сказала она, положив руки ему на плечи. – Ты вел себя как настоящий рыцарь. Возможно, ты не хочешь вспоминать, но я хочу. Ты должен гордиться...

У Эндри скрутило живот. Он неохотно вырвался из ее хватки и отступил назад.

– Я не горжусь тем, что сделал, Корэйн. – Его голос дрогнул. – И не стану оправдывать свои поступки. Я знаю, что поставлено на карту, с какими монстрами нам приходится иметь дело, но я не позволю тому, что происходит, превратить и меня в чудовище.

Корэйн резко ахнула. Каким-то образом ее черные глаза стали еще чернее.

– Значит, я чудовище? Как и все мы?

Эндри чуть не выругался от разочарования.

– Я имел в виду не это.

– Тогда объясни, что ты имел в виду, – сухо сказала она, сложив руки на груди.

Оруженосец лишь пожал плечами. Он словно онемел, и, хотя на ум пришла дюжина слов, ни одно из них не казалось правильным.

– Наверное, на самом деле я не знаю, – наконец пробормотал Эндри, поднимая свои седельные сумки.

Корэйн казалась разочарованной.

– Хорошо, – голос прозвучал слишком резко. Затем она покачала головой, ее коса растрепалась после ночи на лошади. Когда девушка снова подняла голову, ее взгляд был наполнен теплом. – Прости. Я устала, – пробормотала она. – Мы все устали.

Несмотря на ситуацию, Эндри почти рассмеялся. Он взва-

лил на плечи свой мешок, внутри которого звякнул чайник.
– Согласен.

Этим утром лагерь разбили у небольшого оазиса, размером едва ли больше зарослей кустарника, с окруженным мокрыми камнями прудом и узким колодцем. Но после трех дней путешествия через Великие Пески Эндри чувствовал в воздухе больше влаги. Оставив Корэйн, он повел свою благодарную за передышку песчаную кобылу к остальным лошадям.

Вместо того чтобы смастерить навесы, Соколы наполнили свои бесчисленные бурдюки водой из колодца, как и Сораса с Сигиллой. Толпящиеся у пруда лошади тоже хотели пить. Ведя свою кобылу по камням мимо других животных, Эндри пробирался к мелководью с пресной водой.

Несмотря на долгие годы тренировок, у Эндри болели ноги. Армейские марши и быстрые забеги были ничто по сравнению с внушающими ужас днями, проведенными в пустыне. Даже его поход с Кортаэлем и Соратниками был не таким выматывающим.

«Может, нужно было так и сделать. Еще несколько тяжелых дней, еще несколько ночей без отдыха. Возможно, тогда мы смогли бы вовремя добраться до храма и остановить все это до того, как оно успело бы начаться».

Эндри фыркнул себе под нос и покачал головой, словно так мог прогнать подобные мысли. Но, как и лица, они не уходили.

Наполнив водой свой бурдюк и чайник, он отступил от пруда. Другие толпились рядом, желая занять его место, но один Сокол держался в стороне. Он пристально смотрел на Эндри и его одежду, покрытую пылью после путешествия по пустыне.

Эндри посмотрел на незнакомца, слегка кивнув в знак приветствия.

Сокол быстро снял свой защитный головной убор из тонкой ткани, украшенный золотой косой. Его смуглое лицо выражало дружелюбие, а карие глаза смотрели с симпатией. Молодой, без бороды, всего на несколько лет старше самого Эндри. Хотя Соколы часто бросали на Сорасу оскорбленные взгляды, по отношению к себе Эндри не видел ничего подобного.

В глазах незнакомца горело любопытство.

Сокол оглядел оруженосца: его взгляд остановился на руках Эндри, затем на лице и выющихся черных волосах, теперь отрастающих после короткой стрижки, положенной оруженосцу. После долгих лет жизни на севере, в окружении людей с бледной кожей и светлыми волосами, Эндри понимал, в чем причина такого внимания. Он подавил усталый вздох, остро чувствуя раздражение.

– Ты галлиец? – спросил Сокол, разглядывая тунику Эндри. Несомненно, синяя звезда на груди оруженосца знавала лучшие и более чистые дни.

– Да, – сухо ответил он, расправляя плечи и в полной мере

осознавая, что его одежда испачкана засохшей кровью, а сам он выглядит растрепанным. – Но моя мать из Кейса.

Черные брови Сокола взметнулись вверх. Как и у командира лин-Лиры, у него были угловатые черты лица – острые скулы и длинный крупный нос. У Айбала и Кейса не было общей границы, их разделяли маленькие, гордые королевства Сардос и Найрон. Они не враждовали, но, безусловно, соперничали, схожие своей великой историей и еще большими богатствами.

Сокол быстро улыбнулся, явно впечатленный.

– Я не знал точно, но ты едешь верхом, как рыцарь. – По щекам оруженосца расползся жар, но не от солнца, а от гордости.

Сокол увидел, что Эндри молчит, его лицо вытянулось.

– Имею в виду, хороший рыцарь, – быстро добавил он. – Надеюсь, ты не обидишься.

– Конечно, нет, – не задумываясь, ответил Эндри.

Сокол снова улыбнулся и обошел лошадь Эндри, чтобы встать с ним лицом к лицу. Оба были одинакового роста и телосложения. Худые, обученные сражаться молодые мужчины, преданные своим королевствам.

– Большинство галлийцев горбятся в седле, как засунутый в доспехи мешок ячменя, – усмехнувшись, пояснил Сокол. – А ты движешься вместе с лошастью.

Эндри поневоле почувствовал, как в горле у него зарождается смешок. Впервые он вспомнил сэра Гранделя, когда

тот был еще жив. Немного великоватый для своих доспехов, немного медлительнее рыцарей помладше. Воспоминание согрело его сердце, а не обдало холодом. Уголки губ Эндри дернулись, ему захотелось улыбнуться.

– Спасибо, – серьезно ответил оруженосец. Он снова оглядел айбалийского воина. Юноша не носил меч, но на поясе у него висел длинный кинжал, ножны были отделаны золотом и медью. – Я слышал много историй о Соколах. Говорят, вы соперничаете с Львиной гвардией.

Сокол насмешливо усмехнулся, уперев руки в бока.

– Предпочитаю Прирожденных защитников, – сказал он, имея в виду легендарных защитников императора Темуриджена.

При этих словах из-за лошадей выскочила Сигилла и нависла над ними. На ее лице была написана ярость, глаза полыхали огнем.

– Ты и твои чирикающие птички не стоите даже своих лошадей, – усмехнулась она, глядя на молодого Сокола так, словно он был грязью на ее сапогах. Женщина прижала кулак к груди и практически плюнула на землю. – Железные кости бойцов Бессчетного войска никогда не будут сломлены.

– Сигилла, – предупредил Эндри, пытаясь предотвратить драку до того, как она могла бы начаться.

Где-то позади раздался смех Чарли. Беглый жрец поковылял прочь, держа в руке курдюк. Его реакция только сильнее разозлила Сигиллу, охотница за головами приняла еще бо-

лее грозный вид.

Молодой Сокол присоединился к смеху Чарли.

– Пусть будет так, друг мой, – сказал он, легонько тронув Эндри за плечо, тем самым побуждая отойти от пруда.

На мужчин упала тень дюны, Сигилла продолжала негодовать, наблюдая за ними.

– Темурийка думает, что мы отняли у нее свободу. Можем оставить ей немного гордости, если она в ней так сильно нуждается. – Сокол нахмурился, глядя на восходящее солнце. – И она не пленница, как и ты. Все, кроме девушки, могут идти, куда пожелают.

Девушки. Грудь Эндри сжалась, он заскрежетал зубами.

– Кроме девушки, остальные бесполезны, Сокол, – крикнула им Сигилла. – Ее кровь может спасти мир, конечно, если позволит твой командир.

Пыхтя от злости, она зашагала прочь, остановившись только для того, чтобы оттащить Корэйн от пруда. Девушка позволила утянуть себя, но с каждым шагом продолжала хмуриться.

Оруженосец знал, куда они направляются, и что скоро к ним присоединится Сораса. Теперь, придя в себя и набравшись сил, они снова начали учить Корэйн драться. Эндри не завидовал Корэйн, Сораса и Сигилла были талантливыми учителями, и далеко не добрыми.

– Неужели все темурийские женщины такие? – пробормотал Сокол, взглядом провожая Сигиллу.

Эндри старался не ухмыляться, заметив, насколько очарован, если не одержим Сокол.

– Не знаю, – ответил оруженосец, никогда не встречавший других уроженок Темуриджена. – Но она права.

Он перевел взгляд с Сигиллы на Корэйн, ее плечи были расправлены, а на спине висел убранный в ножны Веретенный клинок. Когда они остановились на ровной площадке, она аккуратно опустила его в грязь, на мгновение коснувшись пальцами меча.

«Помнит ли она, как разрезала Веретено? Вспоминает ли о пролитой из-за него крови?»

Эндри вздрогнул, несмотря на усиливающуюся жару чувствуя, как по скрытой под накидкой коже пробежал холодок. Он остро ощущал тяжесть, из-за погибших галлийцев тяжелым грузом лежащую на его плечах.

«А Корэйн? Чувствовала ли она то же самое?»

У него во рту пересохло.

«Имея такой меч, превратится ли она в чудовище, как превратился ее дядя?»

– Корэйн ан-Амарат – ключ к спасению мира, – решительно сказал он, обращаясь не только к Соколу, но и к себе. – Веришь ты в это или нет.

Сокол качнулся на пятках и едва заметно улыбнулся.

– Она определенно ключ к кое-чему. – Затем страж наклонился ближе, постучав двумя пальцами по груди Эндри в месте, где билось сердце.

Щеки Эндри снова запылали. «Я вечно обгораю или вечно смущаюсь?»

– Сэр... – зашипел оруженосец, но Сокол поднял руку, успокаивая собеседника.

– Мы путешествуем вместе всего три дня, но уже ясно, кому принадлежит твое сердце, – сказал он, его лицо смягчилось, в голосе не было ни следа осуждения. – Держись поближе к ней.

С этим Эндри не собирался спорить.

– Всегда.

– И следи за амхарской гадюкой, – голос Сокола снова обрел резкость. – Она отравит вас всех, если это поможет спасти ее собственную жалкую шею.

Эндри проследил за взглядом Сокола и увидел худую фигуру Сорасы Сарн. Она помогала Корэйн правильно поставить поднятые вверх кулаки, тем самым улучшая защиту. И хотя она была убийцей, наемницей, на руках которой было столько крови, что Эндри и представить не мог, он испытывал к ней лишь благодарность. Он вспомнил каньон, даже рискуя нарваться на галлийские стрелы и обезумевших лошадей, Сораса все равно вскочила в седло, стремясь любой ценой уберечь Корэйн от гибели. Вспомнил, как Сораса крайне вовремя вернулась ко двору в Аскале, спасая всех от предательства Эриды и жаждущего власти Таристана.

– Не согласен, – выдавил Эндри, встретив взгляд Сокола со всей твердостью, на которую был способен.

Сокол открыл было рот, намереваясь возразить, но передумал и поклонился.

– Хорошо, оруженосец, – сказал он, отступая назад. – Желаю хорошего отдыха.

Эндри благодарно поклонился и в ответ произнес:

– И тебе, Сокол.

Оруженосец зашагал по песку, ощущая жар даже сквозь сапоги. Хотя усталость съедала его, он направился к месту проведения урока, где уже собрались некоторые зрители.

Корэйн стояла между Сорасой и Сигиллой, лицо девушки было красным. Эндри не знал, причиной тому стало смущение или напряжение от физической нагрузки, но она рвалась продолжать. «Как и всегда».

Несколько Соколов молча и внимательно наблюдали за происходящим, стоя на почтительном расстоянии.

Эндри остановился рядом с облаченным в мантию Домом, который пристально наблюдал за тренировкой. Капюшон скрывал шрамы бессмертного, но не внимательные зеленые глаза. Они следили за каждым движением Корэйна.

Как и сам Эндри.

По крайней мере, сегодня они не использовали оружие. От тренировок с кинжалами на руках Корэйн остались крошечные порезы, и после стольких ночей в пустыне они заживали очень медленно. «Теперь у нее будут еще и синяки», – подумал Эндри, вздрогнув, когда она увернулась от удара, но не от Сорасы, и в итоге оказалась на земле.

– Мне тоже тяжело смотреть на это, – тихо заметил Дом.
Эндри мог лишь кивнуть.

Корэйн поднялась, поставив ноги так, как ее учили, тем самым правильно распределив вес. Как оруженосца и будущего рыцаря, Эндри обучали сражаться в доспехах и верхом, с отличными мечами и щитами. Его учителями были старые воины, совсем не похожие на убийцу из Гильдии и охотницу за головами из Темуриджена. Возможно, Корэйн никогда не сможет возглавить кавалерийскую атаку или научиться владению длинным мечом, но она определенно узнает, как дать сдачи в переулке.

И сделать это как следует.

– Она должны уметь защищаться, – сказал Эндри. На этот раз Корэйн увернулась от удара Сорасы, подпрыгнув, но не упав. Однако девушка все равно потеряла равновесие и снова оказалась на земле, а Сораса у ее шеи.

Дом поджал губы.

– У нее есть мы.

– Надеюсь, так будет всегда.

Он искоса взглянул на Дома. «Нас окружает смерть, а он все еще не понимает этого, – подумал Эндри, от досады стиснув зубы. – Не признает».

Оруженосец понизил голос:

– Но мы-то с вами знаем, как быстро все может измениться. – После долгого, тяжелого молчания Дом встретился с ним взглядом, его брови сошлись на переносице.

– Я бессмертный видэр, сын Утраченного Глориана. Я не думаю о смерти так, как вы, смертные, и не боюсь ее, – прорычал он.

Жалкая маска.

Эндри порывался проглотить свою реплику, похоронить грубые слова, найти более щадящий вариант ответа. Но дорога способна изменить человека, особенно та, по которой они шли сейчас.

– Я видел, как умирают слишком многие из вас, так называемых бессмертных, – спокойно сказал Эндри. – Когда-то я сомневался, можете ли вы, Древние, вообще истекать кровью. Теперь я видел столько вашей крови, что мне хватит на всю оставшуюся жизнь.

Дом переступил с ноги на ногу, явно чувствуя себя неловко. Он коснулся своего бока в том месте, где его когда-то пронзил кинжал.

– Я не нуждаюсь в подобном напоминании, оруженосец.

– Полагаю, нуждаетесь. Как и все мы, – выдавил из себя Эндри. Корэйн снова упала на землю, и снова он вздрогнул вместе с ней. На этот раз Сигилла помогла ей подняться и отряхнуться от пыли. – Корэйн нужна нам, чтобы спасти мир, и она должна быть готова сделать это, когда – если – нас не будет рядом.

Вздохнув, Дом понизже опустил капюшон. Даже в тени дюн его золотистые волосы блестели, а красные рваные шрамы выделялись на лице. Он снова взглянул на Корэйн, Со-

расу и Сигиллу, на горизонт, который одновременно казался и щитом, и угрозой.

– Клянусь богами Глориана, я молюсь, чтобы этот день никогда не наступил, – ответил он.

Эндри медленно выдохнул.

– Клянусь богами Варда, я тоже.

Оруженосец не считал себя таким религиозным, как многие его соотечественники в Аскале, посвящавшие свои мечи и щиты великому Сайреку. И не таким, как его мать, которая каждое утро молилась у очага, взывая к очищающему огню Фириада Спасителя. Но все же он надеялся, что один из богов пантеона услышит их, и боги Глориана тоже. Какой бы бог ни слушал их, он должен услышать призыв везде, даже через бесчисленное множество миров. «Вы очень нужны нам».

– Предлагаю вам обоим поспать, – сказала Вальтик, внезапно оказавшись так близко, словно выскочила из песка. Ее усеянное морщинами бледное лицо выглядывало меж седых кос, украшенных клыками и свежим жасмином. Эндри не знал, где ей удалось найти в пустыне такой цветок.

– Прочь, ведьма, – пробормотал Дом, снова натягивая капюшон.

Она едва ли отреагировала на реплику бессмертного, ее ярко-голубые глаза неотрывно смотрели на Эндри.

– Поспать, – повторила она. – О монстрах глубин впредь не вспоминать.

Эндри думал не о морских змиях Миэра или кракене, но все равно кивнул хотя бы для того, чтобы ведьма пошла дальше.

– Хорошо, Gaeda, – сказал он, используя джидийское слово, обозначающее «бабушка». Одно из нескольких, которым научил его Корэйн.

Он перевел взгляд с дюн на небо пустыни. Розовые краски рассвета сменились пронзительной синевой. Каждая проходящая секунда работала против них, и Эндри остро ощущал это, чувствуя, как на его плечи опускается усталость.

– Может, Соколы и не хотят убивать нас, но они точно задерживают нас, – пробормотал он.

Дом согласно заворчал.

Стоящие на краю примитивного тренировочного круга Соколы наблюдали за происходящим, постоянно перешептываясь. Один из них грозно улыбнулся, окинув Сорасу проницательным взглядом.

Эндри напрягся и сжал зубы, вспоминая предупреждение другого Сокола.

Они продолжали говорить, теперь уже громче. Все еще на своем языке, но Эндри понимал, что их слова пропитаны ненавистью. Сораса не реагировала, продолжая собирать свое снаряжение.

Корэйн не отличалась подобной сдержанностью. Она огрызнулась на айбалийском, слова были такими же резкими и холодными, как и взгляд ее черных глаз.

Соколы лишь расхохотались, глядя, как она шагает по песку, чтобы присоединиться к Эндри и Дому.

– Ты хорошо говоришь на нашем языке! – крикнул ей самый высокий из них, прикладывая палец ко лбу в знак приветствия. – Змея научила тебя и ему?

– Я учу ее только тому, что полезно, – ответила Сораса, не удостоив Соколов даже взглядом. – А разговор с вами занятие бессмысленное.

Теперь уже рассмеялись Корэйн и Сигилла, они скрывали свои ухмылки за разбитыми руками. Все трое Соколов перестали веселиться и нахмурились. Самый высокий сделал шаг вперед, нахмутив черные брови.

– Наследнику нужна только девушка, – громко сказал он, чтобы все слышали его слова. Он неторопливо двинулся дальше, желая встать на пути Сорасы. – Мы должны отрубить змее голову и оставить ее гнить.

Дом сжал губы и отошел, оказавшись между Сорасой и холодным взглядом Сокола.

– Можешь попробовать, мальчик, – глядя на Сокола, предложил Древний. – Не терпится встретиться с этой своей богиней?

К чести Сокола, он не отступил и не выказал и толики страха, даже когда над ним нависла сама смерть.

– Должно быть, ты теряешь сноровку, – заявил Сокол, оглядывая Дома. – Не знал, что амхара нужны телохранители.

Слова Сорасы прозвучали как удар плетью:

– У нас, амхара, много средств для защиты, и мы не всегда используем клинки. – Развернувшись, она продолжила идти спиной назад и на этот раз широко улыбнулась, ее тигриные глаза светились ехидством. – Спи спокойно, Сокол, – сказала она, посылая ему воздушный поцелуй.

Сокол отпрянул, словно к нему подлетело отвратительное насекомое.

– Расслабься, Древний, – добавила Сораса, повернувшись к нему. – Птички просто чирикают.

Сигилла встала сбоку от Дома, на ее лице красовалась небольшая улыбка. Она смахнула прядь черных волос с глаз, вращая мускулистыми плечами.

– Ну что, птенцы, устроим потасовку? – подняв подбородок, спросила она. – Люблю как следует подраться перед сном.

Сердце Эндри забилось быстрее. Ему хотелось уйти, увести их всех за собой, но он оставался стоять на месте, его ноги словно приросли к песку. Если друзьям грозила опасность, он хотел быть наготове. «Не то что в храме. Здесь я смогу не отступить».

Вместо этого Корэйн подхватил его под руку и потянул за собой.

– Пойдем, оставим их, – сказала она, призывая его отправиться обратно в лагерь. – Даже Соколы не настолько храбры, чтобы в одиночку сразиться с Сигиллой и Домом.

– Возможно они достаточно глупы, – сказала Сораса, стоящая с противоположной стороны от него.

– Сораса, тебе следует быть начеку, – пробормотала Корэйн. Она оглядела лагерь и десятки солдат, которые заняли свои посты или спали. – Они действительно желают тебе смерти.

Эндри кивнул, окинув Сорасу пристальным взглядом.

– Никуда не ходи одна.

Она сурово посмотрела на них обоих.

– Ваша забота оскорбительна, – сказала убийца, отмахиваясь от них.

Корэйн и Эндри вернулись к своим накидкам и седельным сумкам, намереваясь поспать. Место было не самым удобным из тех, на которых спал Эндри, но на самом деле ему было все равно. Когда он лег на спину, закрывая глаза, чтобы не видеть ясное голубое небо, его конечности словно растворились в песке.

Она была почти слишком близко, одна рука всего в нескольких дюймах от его собственной, их пальцы практически соприкасались. Ему нужно было лишь немного подвинуться, прикоснуться к ней, взять ее руку и сжать. Случившаяся между ними недавняя размолвка все еще жалила, заставляя сердце юноши болезненно сжиматься.

«Скажи ей, что все будет хорошо. Скажи, что у нас все получится. Даже если ты не веришь в это, верь в нее».

Эндри приоткрыл глаза и увидел, что Корэйн уже крепко

спит, лицо безмятежное, губы приоткрыты. Ветер пронесся над ней, откидывая прядь черных волос на щеку, и Эндри пришлось использовать всю присущую придворному оруженосцу сдержанность, чтобы не убрать ее прочь. Казалось, даже глядя на Корэйн он позволял себе слишком много.

Отведя взгляд, он принялся рассматривать лагерь.

Соколы опустились на колени на песок у подножия дюны, среди них была фигура в коричневой накидке.

Через мгновение Эндри понял, что это Чарли.

Он тоже стоял на коленях, подняв руки к солнцу. С опущенным капюшоном жрец выглядел моложе. На его щеках виднелись пятна загара, а недавно заплетенная каштанового цвета коса спускалась ниже лопаток. Было легко забыть, что беглый жрец был всего на несколько лет старше Эндри, ведь у него была очень насыщенная событиями жизнь.

Его губы шевелились, и, хотя Эндри не слышал голос, было легко догадаться, что он делал.

Чарли молился, и Соколы молились вместе с ним.

Эндри не знал, какому именно богу.

«Не помешает попробовать обратиться к каждому из них», – подумал он, снова закрывая глаза. Сделав глубокий вдох, он начал перечислять имена:

«Сайрек. Майра. Лашрин. Фирияд...»

Глава 5

Лед всегда побеждает

— Рия —

Принцессе Айоне понравился медведь Дириана, и мало что еще в Ковалинне. Осень во фьорде была подобна самой глубокой зиме в Калидоне, снег выпадал почти каждый день, укрывая поселение бессмертных белым одеялом. Он сверкал в лучах утреннего солнца – прекрасное препятствие. Лед сковал фьорд, и Рия вместе с другими видэрами проводила много дней, раскалывая его и расчищая путь для кораблей. То же самое делал и медведь Дириана, он скакал вдоль разрушенного края, разбивая льдины своими массивными лапами. Но за ночь появлялось еще больше льда, распространяясь вместе с холодом.

Сегодня к Рие присоединилась Кизара, как и все остальные, она держала в руке длинную секиру. Ее сияющие, как драгоценные камни, щеки покраснелись от холода, тело было закутано в кожу и меха. Несмотря на века, проведенные на севере, Кизара была родом из Салахэ, расположенном далеко на юге Кейса, а до него жила в пустынях Глориана. Хотя она провела многие годы в холоде, намного дольше она прожила под солнцем.

— Ты не любишь такую погоду, – сказал Рия, наблюдая за

ее работой. Все они стояли на досках, выложенных над водой, – причале, позволяющем ломать лед без риска свалиться во фьорд.

Сегодня черные с проседью локоны Кизары были убраны назад и заправлены под меховую шапку. Она вонзила секиру в лед, и длинная трещина расколола его, будто в него ударила молния.

– Ты наблюдательна, принцесса, – улыбаясь, ответила Кизара.

Рия вогнала свою секиру в лед, а затем прислонилась к ней, глядя на старшую видэрийку.

– Тогда зачем оставаться здесь?

– В Глориане я была солдатом. В Салахэ учителем. В Ковалинне я правая рука монарха. Зачем мне уезжать? – пожимая плечами, ответила Кизара.

В ответ на это Рия могла лишь кивнуть.

Большой зал Ковалинна, расположенный высоко в скалах, рядом с полузамерзшим, низвергающимся во фьорд водопадом, нависал над ними. Его стены и длинные скошенные крыши блестели от снега.

– Как насчет тебя? – Кизара указала на Рию, махнув рукой на меха принцессы.

– У тебя нет причин оставаться здесь. Мы думали, ты уедешь еще неделю назад, чтобы поднять другие поселения на войну. Или ты можешь отправить послание, как это сделала твоя мать?

Рия фыркнула от досады.

– Нет, я не обладаю такой силой, которая есть у моей матери, но нехватку магии я компенсирую умом. Хотя мне бы очень хотелось иметь возможность отправить послание и поднять бессмертные армии Варда.

– Так зачем же оставаться? – повторила Кизара, подходя ближе.

Рия расправила широкие плечи.

– Я не стану бежать от битвы, в которую втянула вас.

– Так я и думала, – с ухмылкой ответила Кизара, возвращаясь к ломке льда. – Как и Дириан.

Кивнув, Рия последовала примеру старшей, вырывая свою секиру из ледяной хватки фьорда. Крепче ухватившись за рукоять, она высоко подняла топор и со всей силы вонзила его в лед. Он раскололся под ней, трещины расползлись во все стороны. Это занятие не походило на тренировки и подготовку к грядущей войне, но физическая нагрузка доставляла Рие не меньшее удовольствие.

Рия оглянулась на Ковалинн и длинную, зигзагообразную дорогу на краю скалы, которая вела к поселению. Несколько лошадей и видэров двигались по ней, едзя туда-сюда между залом и доками фьорда внизу. Благодаря зорким глазам бессмертная принцесса видела их всех так ясно, словно была ястребом. Как и в кланах джидийцев, в поселении Ковалинн жили видэры со всех концов света, каждый из них отличался внешностью и происхождением.

Одна расположившаяся на венчающих стены валах видэ-рийка выделялась особым образом. Она была такой же неподвижной, как медведи, вырезанные на ее воротах, и внушала такой же страх. Рия отметила ее бледную кожу, рыжие волосы и суровый нрав. С тех пор как наследница Айоны впервые приехала в поселение и умоляла ее сына сражаться, манера поведения женщины не изменилась.

– Я не нравлюсь его матери, – проворчала она, отводя взгляд от леди Ковалинн.

– К счастью, правитель руководствуется собственным умом, гораздо более острым, чем обычно бывает у людей его возраста. – Кизара добавила: – И леди Эйде никто не нравится.

– Она двоюродная кузина моей матери, – сказала Рия. – Дальняя, но все равно родня.

Кизара лишь рассмеялась.

– К настоящему времени большинство старших поколений связаны либо кровью, либо нашей общей судьбой в этом королевстве. Если ты ожидала теплого приема от кого-то подобного Эйде, то зря.

– Определенно. – Леди Ковалинн все еще стояла у стены, глядя в длинную, скалистую пасть фьорда, в сторону Моря Славы. – Она как будто сделана из камня.

– Она родилась в Глориане. – Веселье Кизары улетучилось, знакомая Рие зловещая тень омрачила ее лицо. – Мы серьезнее, чем вы, дети Варда.

Рия почувствовала горечь на языке. «Свет разных звезд», – подумала она, вспомнив свою мать и взгляд, которым она смотрела на небо, словно могла заставить звезды Глориана заменить звезды Варда.

– Я знаю это лучше других, – пробормотала принцесса, раскалывая льдину на куски. Они разлетелись по холодным водам, белые на фоне серого железа.

– Не обижайся на нее, принцесса, – Кизара понизила голос. – Эйда оказалась в Оллварде не по своей воле.

В большом зале Эйда возвышалась над остальными, длинные рыжие волосы были заплетены в две косы, а на лбу красовалась диадема из кованого железа. Ее одеяние состояло из кольчуги, а на плечи был накинут тонкий мех белой лисы. Всем своим видом она напоминала королеву воинов, но ничто не бросалось в глаза так сильно, как шрамы. Те, что остались на костяшках ее пальцев, были древними, свидетельство драки. Но другой, жемчужно-белая полоса, пересекающая горло? Рия вспомнила отметину.

«Ее оставило не лезвие. А веревка».

Глаза Рии расширились, и Кизара серьезно кивнула.

– Ее отослали в Оллвард в качестве наказания. Старый король Глориана позволил ей сделать выбор между смертью и изгнанием, и вот что она предпочла. – Советница короля подняла руки, жестом указывая на фьорд и земли за ним. – Все радости, которые она нашла в этом смертном царстве, умерли вместе с отцом Дириана.

Рия знала эту сказку.

«Драконье пламя и руины», – вспомнила она. Все это случилось три столетия назад, и до сих пор, даже находясь за много миль от поля боя, она чувствовала в воздухе запах пепла. Чудовище было огромным, древним, его украшенная драгоценными камнями шкура была прочнее стали. Теперь его кости превратились в пыль, а тень исчезла из этого мира, как и все остальные монстры Веретенной армии в Варде. Многие видэры не вернулись, включая родителей Домакриана. Они погибли, уничтожая последнего оставшегося в Варде дракона, как и старый правитель Ковалинна.

– Триста лет прошло с тех пор, как поселения объединились и сражались с тем, что не смог победить Вард, – сказала Рия, проникаясь тяжестью случившегося.

Кизара кивнула.

– До этого момента.

– До этого момента, – ответила принцесса Айоны.

– Сколько из них не вернется с этой битвы? – пробормотала Кизара.

Рия ответила решительно:

– Все, если битва вообще не состоится.

За те короткие месяцы, прошедшие с момента резни в храме, видэрийская принцесса привыкла к страху. Он рос в отсутствие Домакриана, расцветая, как розы в саду. Рия ничего не слышала о кузене с тех пор, как он ускакал из Айоны, практически мертвый, если бы не его все еще быющее-

ся сердце. Она понимала, что, возможно, он по-настоящему умер. «Оставив между Вардом и Тем, Кто Ждет лишь меня». Тяжело вздохнув, Рия постаралась не обращать внимания на боль внутри. Та возникла ни от холода, ни от секиры, ни даже от часов, проведенных на тренировочном дворе, пока она практиковалась, облаченная в доспехи. Эту рану нанесла ее мать. Причиной боли стала трусость Изибель, правительницы Айоны.

Ветка ясеня все еще лежала на ее коленях, меч, которым она не собиралась пользоваться, был забыт в серых залах. Рия ругала свою мать. «Возможно, она услышит меня», – подумала она, вспоминая силу своей матери и расстояние, на которое она простиралась.

– Я вижу пылающий внутри тебя гнев, принцесса, – тихо и нерешительно сказала Кизара, выглядя неуверенно, словно путник, ступающий по тонкому льду.

Рия вздохнула, ее скрытая мехами грудь поднималась и опускалась.

– Я испытываю и благодарность, – пробормотала она. – Такую сильную, что чувство кажется подавляющим. К тебе, Дириану, даже равнодушной леди Ковалинн. За то, что проигнорировали мою мать. Что отказались бросить Вард на произвол судьбы. По отношению ко всем вам, кто отказывается сдаться. – Воздух застыл на ее губах. – Я тоже не сдамся.

Она посмотрела на юг, на фьорд, в сторону Калидона и Айоны. Рия не могла видеть единственную родину, кото-

рую когда-либо знала, но она все еще чувствовала ее, расположенную в многих милях отсюда, дальше за ледяным морем, горами и долинами.

Затем она посмотрела внимательнее, и ее глаза остановились на чем-то гораздо более близком, чем Айона.

На далеком горизонте появились темные очертания, сначала пятна, затем быстро превратившиеся в нечто знакомое. Рия прищурила бессмертные глаза, вглядываясь на многие мили вдаль.

«Длинные галеры с белыми флагами, плывущие под символом мира».

– Смертные, – вслух сказала она, указывая в их сторону секирой.

– Первые прибыли, – заявила Кизара, хлопая Рию по плечу. – Оставь секиру, – добавила она, отбрасывая свою. Советница правителя Ковалинна посмотрела на фьорд и огромные куски льда. Даже разбитые вдребезги, они объединились вместе и плавали в ледяной воде.

Рия сделала, как было велено, оставив свой топор другому колющему лед видэру. Она пошла прочь вместе с Кизарой, молча ожидая объяснений. Щелкнув языком, Кизара позвала медведя. Он издал дружелюбный рев и затопал следом, лед задрожал под его лапами.

Плывущие позади них корабли продолжили свой путь к Ковалинну.

Кизара поджала губы и сошла с причала на длинную, из-

вилистую тропинку, ведущую к поселению.

– Лед всегда побеждает, – пробормотала она, глядя на фьорд.

* * *

Как и в случае с другими смертными королевствами, Рия никогда не интересовалась политикой Джиды. Она точно знала, что у них не было монархии, каких-либо короля и королевы, к которым она могла бы обратиться за помощью и попросить поддержки у могучей страны захватчиков. Вместо этого существовала дюжина кланов, различавшихся размером и силой, которые контролировали различные регионы суровых северных земель. Джидийцы были сильным народом, внушающим страх другим королевствам смертных, но разобщенным, каждый клан был отделен от других.

Смертные прибыли из Ирлы, поселения за горами, на вершине другого фьорда. Они приплыли на четырех кораблях, которые пришвартовались у подножия скалы.

Большой зал поселения заполнили видэры, жаждущие увидеть джидийцев. Двери распахнулись, оранжевый свет закатного солнца залил каменный пол.

Дириан сидел на своем месте, прислонившись спиной к резному дереву. Его ноги болтались в воздухе, еще слишком короткие, чтобы доставать до пола. Как и у матери, у него были рыжие волосы и бледная кожа, на щеках – россыпь

веснушек. Джидийцам он казался маленьким мальчиком, но видэры знали правду. Его серые глаза буквально пронзали взглядом, а на коленях у него лежал топор. Сосновая ветка была давно отброшена. Его поселение находилось в состоянии войны.

Кизара и храпящий медведь расположились справа от него, а леди Эйда, как всегда, неподвижно стояла за спиной сына. Рия сидела слева от Дириана, как и подобает принцессе и ребенку правящего монарха, хотя выглядела совсем иначе. Она отказалась от меховой мантии в пользу зеленой стальной брони, желая выглядеть таким же воином, как и джидийцы. Огонь, горящий в обеих чашах, наполнял зал теплом. Рия грелась в нем, вызывая онемение хватка льда наконец-то отступила.

Дюжина смертных вошла в зал, их длинные тени тянулись по полу. Они прошли меж чашами и направились к трону Дириана. Свет от пламени играл на лицах гостей, с каждым шагом меняя выражения их лиц. Рия предположила, что остальные прибывшие находятся снаружи у ворот или все еще внизу, на своих кораблях. По ее мнению, в Ковалинн прибыло не менее сотни джидийцев.

Никто не сказал, по какой причине, но Рия была умна.

Дириана не беспокоили свирепые джидийские налетчики, но Рия следила за их оружием. Из всех смертных в Варде только джидийцы когда-либо пытались воевать с видэрами, и она не забыла об этом. У них были топоры и длинные но-

жи, а двое даже несли грозные, увенчанные крюками копья. Далеко не фермеры, а настоящие захватчики.

Половина со светлой кожей, рыжими или светлыми волосами, а то и вовсе лысые. Но один из мужчин явно когда-то служил Темуриджену, под плащом из волчьих шкур он носил запоминающиеся кожаные с платинами доспехи темурийцев. У него были короткие черные волосы, раскосые темные глаза, высокие скулы и бронзовая кожа. Две женщины из королевств Долгого моря, возможно, тириотки, с вьющимися волосами цвета красного дерева и оливковой кожей. Лишь один из налетчиков был седым, в его косы были вплетены различные травы. Он не носил меха, только платье из толстой шерсти, прикрывающее сапоги, длинная цепь тянулась от одного его плеча к другому. У всех из них имелись вытатуированные джидийские завитки, на тыльных сторонах ничем не покрытых рук виднелись особые узлы.

У предводительницы налетчиков, маленькой, бледной женщины с луком и выступающей вперед челюстью, на обрительной половине головы красовалась татуировка волка. Остальные волосы были заплетены в длинную светлую косу, украшенную цепью и резной костью. Несмотря на небольшие размеры женщины, остальные налетчики явно уважали ее и пропускали вперед. Когда она подошла ближе, Рия поняла, что один ее глаз был зеленым, а другой голубым – общие цвета джидийцев.

– Добро пожаловать, друзья, – сказал Дириан, поднимаясь

со своего места. — Я — Дириан, правитель Ковалинна, видэров Утраченного Глориана.

Налетчики не поклонились. Некоторые смотрели на медведя, храпевшего по правую руку от Дириана.

— Я — Ленна, вождь Ирла, — прохрипела предводительница, ее голос неожиданно оказался глубже, чем можно было ожидать. Она говорила на верховном, и в ее словах слышался сильный джидийский акцент. Так далеко на севере она явно мало пользовалась всеобщим языком Долгого моря.

Дириан наклонил голову в знак приветствия.

— Прошло много лет с тех пор, как смертные из Джиды входили в мой зал.

— Давным-давно сюда приходил вождь моего вождя, — сказала Ленна. Она прищурилась. — Он встретил мальчика-короля. Ты все еще мальчик.

— Да, — ответил Дириан. — Мой народ стареет не так, как ваш.

— Я вижу.

Ленна заметила собравшихся вокруг трона и по всему залу видэров. Ее взгляд на мгновение задержался на Рие. Принцесса Айоны не сдвинулась с места, но положила руки на подлокотники своего кресла, серебряное кольцо на большом пальце царапнуло по дереву. Рия была обученным воином, на несколько столетий старше вождя Ирлы, не говоря уже о том, что она была в два раза крупнее. Но, несмотря на это, в свирепом взгляде Ленны читался вызов.

– Спасибо, что пришли, – сказала Кизара, подходя ближе к Дириану. – Я знаю, что наши племена не всегда были друзьями, но сейчас мы нуждаемся друг в друге.

Ухмыльнувшись, Ленна показала пару золотых резцов. Они сверкнули, поймав свет костров в яме.

– Мы сражаемся со всеми, не только с тобой, Древняя.

Джидийцы не увлекались политикой. Не пускали пыль в глаза. Все было намного проще. Они прославились благодаря своим набегам по всему Морю Славы и даже на юге, вплоть до Тирийского пролива. Портовые города боялись их кораблей не меньше, чем любого шторма.

Рия почувствовала, что ее ноги двигаются, еще до того, как поняла, что встала со своего места. Сделав три быстрых шага, она оказалась нос к носу с Ленной. Или, скорее, носом к шее.

– А теперь мы должны сражаться вместе, – сказал Рия, глядя на вождя.

Налетчики не дрогнули, а Ленна лишь улыбнулась еще шире.

– Поэтому-то мы и пришли.

– Хорошо. – Рия мысленно выдохнула. «По крайней мере, они говорят откровенно». – Вы понадобятся Оллварду. Каждый из вас.

– И те, кто еще придет, – ответила Ленна, ее голос стал глубже. Несмотря на улыбку, Рия увидела, что вождь отлично понимает, что происходит. Ситуация была гораздо серьез-

нее, чем казалось на первый взгляд. – Но Ирла пришла первой.

– Ирла пришла первой, – повторила Рия, кивнув в знак благодарности. – История об этом не забудет. Обещаю.

Ленна погрозила покрытым чернилами пальцем, похожим на маленькую змею.

– Расскажи об этом в песне, не в книге.

Рия могла лишь кивнуть. «Если останется кому петь», – подумала она.

– Королева Галланда наступает, – сказала Кизара, ее слова разнеслись по залу. – Она развязала войну против всего мира, а принц Таристан из Древнего Кора...

– Да, да, человек с Веретеном, – сказала Ленна, прерывая ее. Она махнула рукой, жестом показывая Кизаре, что понимает, о чем идет речь. Казалось, рассказы о конце света навевали на нее скуку. – Он принесет в мир великое зло – мы это уже знаем. И эта глупая королева, – презрительно фыркнула она, закатывая свои разноцветные глаза. Стоявшие позади нее налетчики рассмеялись. – Слишком много власти, которая гниет, и мы сгнием вместе с ней.

Видэры хранили молчание, озадаченные смелостью Ленны. Рие же все происходящее казалось интригующим.

– Вы знаете Эриду Галландскую? – спросила она.

Стоящие позади вождя налетчики рассмеялись. Золотые зубы Ленны сверкнули, когда она присоединилась к ним.

– Немного, я пыталась жениться на ней, – ответила она,

пожав плечами.

– Вы могли бы избавить нас от множества проблем, – вздохнул Рия. «Естественно, такой союз был невозможен. Правителям нужны наследники». Принцесса Айоны слишком хорошо понимала это и жалела о том дне, когда придет ее черед обеспечить следующего монарха для своего поселения. – Мне жаль, что она отказалась.

– А мне – нет, – резко ответила Ленна, встретив взгляд Рии. Она не моргала, полностью сосредоточившись на Древней.

Рия ничуть не возражала против ее внимания и так же прямо смотрела в ответ.

Их прервал Дириан, встав между вождем и принцессой. Ростом он был почти с Ленну, и, судя по матери, ему еще было куда расти. Лежащий у трона медведь зевнул. После недели, проведенной в Ковалинне, Рия сочла его безобидным, но налетчики отступили, опасаясь его массивных челюстей.

Лишь Ленна продолжала стоять неподвижно, не сделав и полшага назад.

– Все вместе мы пойдем на юг, в Гальд, – изрек Дириан. – И посмотрим, какие кланы откликнутся на призыв к битве.

– Многие. Блодин, Хьорн, Грайма, Агсайрл, Снежные земли. – Ленна перечисляла части Джида, называя многочисленные кланы, раскинувшиеся от бесплодной тундры до восточного побережья. Рия не знала и половины из них. – В этом году мы не совершали набеги. Мы готовы.

Рия вспомнила тех бедных фермеров в Каслвуде и их глупый план.

«Джидийцы не совершают набегов», – говорили они, хотя и не знали причину.

– Почему вы догадались прекратить набег? – спросила она, все еще не сводя глаз с Ленны.

Предводительница налетчиков повернулась в сторону, жестом приказав одному из своих людей занять ее место.

– Колдун.

Мужчина без доспехов вышел вперед, длинными пальцами поправляя свои косы. Казалось, он был рад обратиться к видэрам.

– Юг считает, мы безмозглые простаки, – сказал он, оглядывая присутствующих. – Но мы видим больше, чем чужаки. – Старый колдун встряхнул висящий на поясе мешочек, а затем высыпал его содержимое на пол. – Так глаголят кости, а не кулаки.

Рия инстинктивно поморщилась, когда кости всех видов животных вывалились на каменную кладку.

Позвонки, ребра, бедренные кости, когда-то принадлежавшие кроликам, крысам и птицам. Большинство из них сваренные, но некоторые казались свежими.

Обнажив сломанные пожелтевшие зубы, колдун вглядывался в лежащие на полу кости.

– Надвигается буря, – прошипел он, а затем сделал рваный, неглубокий вдох, издав странный свист.

Дириан нахмурил рыжие брови.

– Да, так и есть.

– Нет... здесь, сейчас, – пробормотал колдун, подбирая слова, а затем дрожащим пальцем указал на кости. Стоящие позади него налетчики напряглись, даже бесстрашная Ленна. Их руки метнулись к оружию.

Колдун обернулся и посмотрел на своего вождя.

– Бейте в барабаны.

Дириан потребовал ответ:

– Что за буря приближается?

Рия вглядывалась в вождя, пытаясь узнать ответ. Но женщина лишь опустила лук и побежала к большим дверям в конце зала. Не задумываясь, Рия двинулась следом и обнаружила, что выбегает на холодный воздух и угасающий солнечный свет. Остальные с шумом последовали за ней, как налетчики, так и видэры. Колдун причитал где-то в глубине зала, крича что-то на джидийском. Рия не понимала, что именно, но услышанное все равно вселяло ужас. Он отзывался эхом в каждом смертном вокруг нее, их бьющиеся сердца вдруг зазвучали громче любого боевого барабана.

Пройдя мимо Ленны, Рия взбежала по ступеням на башню над воротами Ковалинна. Перед ней простирался фьорд, отражавший лучи солнца, скрывающегося за восточным горным хребтом. Он вспыхнул оранжевым и красным, кровавое зеркало между опасными утесами. Сначала Рия посмотрела на склоны. «Лавина? – предположила она, ища какие-нибудь

признаки холодной белой смерти. – Неужели лед сомкнулся?» Но воды оставались такими же, как и несколько часов назад, достаточно пригодными для прохода кораблей.

– Что там? – спросила она, как будто морозный воздух мог ответить ей.

Вождь Ленна упала рядом с ней, лук, который она держала в руках, был уже поднят, стрела положена на тетиву. Она, не отрываясь, смотрела вдаль, но не на фьорд или горы, а на небо, затянутое огненно-красными тучами.

– Dryskja! – крикнула Ленна, направляя стрелу вверх.

Стоявшие внизу налетчики издали боевой клич и залязгали клинками, стуча ногами по утрамбованной земле у ворот. Рев джидийцев эхом разнесся по фьорду, гремя между гор, пока Рия не почувствовала его отголоски на собственных зубах.

До этого момента принцесса мало что знала об истинном страхе. Ее словно ударили ножом в живот и нанесли рану, полностью лишившую ее решимости.

– Dryskja? – переспросила она, крик застрял у нее в горле.

Ленна тут же выпустила стрелу. Она поднялась в небо на сотню ярдов и исчезла в облаке. Рия проследила за ней, прищуривая свои видэрийские глаза. Текущая в ее жилах кровь похолодела.

В небе, за облаками, двигалась тень, слишком быстрая, чтобы быть бурей, и слишком темная, чтобы быть чем-то еще.

В небесах что-то взревело, настолько громко и глубоко, что деревянная стена под ногами Рии задрожала. Принцесса Айоны едва не упала, ее ноги онемели.

Стоявшая рядом с ней Ленна не сводила глаз с неба, закладывая очередную стрелу. Тень пронеслась над их головами, уже ближе, но все еще прячась за облаками.

– Дракон, – прорычала она.

Глава 6

Зеркало смерти

— Корэйн —

Сначала Корэйн подумала, что это мираж. После двух недель, проведенных в дюнах, она уже видела подобные — неясный образ моря или каравана верблюдов. Но путники все еще находились в милях от побережья, и через эту часть Великих песков не проходили торговые пути. В этой части Варда не было ни деревень, которые можно было бы посетить, ни товаров, которые можно было бы собрать или продать. Лишь золотистый песок и усеянное звездами небо.

А теперь шатер идеального темно-синего цвета вырос за горизонтом, словно распускающийся ночью цветок. Прищурившись, Корэйн вглядывалась вперед сквозь косые тени сумерек и пыталась разглядеть, что там. И не она одна. Дом привстал, глаза Древнего были устремлены вперед, как и у скачущей рядом с ним Сорасы. Он что-то пробормотал убийце, и она сжала челюсти, а ее подведенные черным глаза расширились.

— Что там? — спросила Корэйн, но грохот копыт заглушил ее голос.

Она не возражала. Все равно это был неправильный вопрос.

«Кто там?»

Ответ получился очевидным даже для дочери пирата, живущей по другую сторону моря.

«Наследник Айбала».

Когда они подъехали ближе, Корэйн поняла, что ошиблась с выбором слова. Она не знала, как назвать это полотно размером с небольшую деревню. Множество шатров были установлены рядом и соединены друг с другом запутанными проходами, похожими на аллеи. Каждый одного и того же оттенка синего, цвета флага Айбала, а на покатых крышах были вышиты серебряные луны и золотые солнца. На самой высокой точке шатров восседал сверкающий дракон, его крылья были широко раскинуты, а длинный хвост обвивал вершину палатки. Заходящее солнце сверкало на его острых зубах. И весь он был сделан из чистого золота.

Когда Соколы замедлили ход, Корэйн наклонилась и повернулась к Эндри. Несмотря на их ссору, он по-прежнему ехал рядом, что не могло не радовать. Даже если его слова все еще жалили.

«Неужели я тоже чудовище? – продолжала спрашивать она себя, чувствуя меч у своих ног. – Вот кем он считает меня?»

– Кто станет тащить в пустыню золотого дракона? – пробормотала она, желая завести разговор, а затем посмотрела на возвышающееся над палатками создание.

Эндри ухмыльнулся, обнажив белые зубы. При виде его

улыбки в груди Корэйн ослабло доселе присутствующее напряжение, и она вздохнула с облегчением.

– Богатство короля Айбала не знает границ, – ответил он.

– Все, к чему он прикоснется, превращается в золото, – Корэйн вспомнила старый детский стишок. – Золото приносят и его флоты, патрулирующие каждый дюйм пролива, – проворчала она, вспомнив о сборах, которые должен платить каждый корабль, желающий пересечь Долгое море.

«Я бы многое отдала за то, чтобы переплыть его сейчас», – подумала она. Приступ грусти застал ее врасплох, вынуждая опустить голову.

– Корэйн? – тихо позвал Эндри.

Но она покачала головой и отвернулась. Обрадовавшись, что ее песчаная лошадь остановилась, девушка соскользнула с седла. Когда ее сапоги коснулись земли, ноги уже не были такими слабыми, как в предыдущие дни.

И Веретенный клинок казался не таким уж тяжелым.

Палаточный городок манил, как открытая пасть, небо над ним окрасилось в розовые и пурпурные тона заката, несколько звезд уже мерцали на нем. В другой жизни Корэйн сочла бы это зрелище прекрасным. Теперь же ужас сменил ставшей привычной усталость, жар солнца уступил место холодающему душу страху.

Как и всегда, Дом и Эндри встали по бокам, а Сигилла и Чарли позади. Сораса шла впереди, никуда не спеша и поворачивая голову туда-сюда, словно высматривающий добы-

чу ястреб. Вальтик плелась позади, такая же бледная, как и тогда, когда они высадились в Алмасаде. Не то что все остальные. Даже кожа Древнего порозовела, а лица Сигиллы и Сорасы потемнели на солнце.

«И мое тоже, – знала Корэйн, хотя она не видела собственное лицо с тех пор... она даже не могла вспомнить, с каких именно. Но кожу наконец перестало покалывать, а значит, солнечный ожог сменился загаром. – Возможно, теперь я больше похожа на свою мать, – подумала она, и ее сердце подпрыгнуло. Благодаря годам плавания кожа Мелизы приобрела оттенок идеального загара. – И меньше похожа на отца. Меньше похожа на Таристана».

Даже его имя напоминало темную тучу. Оно нависло над ней, давя сильнее, чем меч на ее спине.

Но хуже имени было неизменное присутствие за спиной дяди другого. Тот, Кто Ждет всегда выжидал, затаившись в уголках ее сознания, кошмары о Нем готовы были вернуться в любую минуту. Только благодаря изнурительному путешествию по пустыне и ежедневным тренировкам они не приходили. Занятия с Сорасой и Сигиллой были лучше любой колыбельной.

Соколы отвели их к самому большому шатру во временном поселении. Вход в него защищали стражники в бронзовых чешуйчатых доспехах под темно-синими накидками. Каждый из них держал копье со стальным наконечником, вдвое превышающее рост. В отличие от Соколов, охранники

носили шлемы, выкованные в виде черепов драконов. Они скрывали их лица, превращая каждого в мрачное чудовище.

Не произнеся ни слова, Соратники вошли в большой шатер, их встретил прохладный воздух и темные тени. Большинство Соколов остались снаружи, кроме командира лин-Лиры, который пристроился рядом с Сорасой.

Сокол и амхара, плечом к плечу.

Когда глаза Корэйн привыкли к тусклому свету, она увидела, что шатер разделен на комнаты, а посередине находился длинный зал. В центре стоял круглый стол, который окружали стулья, но на них никто не сидел. Единственные люди в комнате собрались в дальнем конце, они обступили зеркало из полированной бронзы. Оно освещало комнату лучше любой свечи, улавливая розовый свет заката из щели, прорезанной в шатре высоко вверх.

Кто-то стоял на коленях перед зеркалом, уставившись на его поверхность. «Нет, в него, – поняла Корэйн. – На сам свет».

– Избранный Лашрин, – прошептал Чарли себе под нос, его обычно спокойный голос был странно резким.

Он положил руку на руку Корэйн, притягивая ее к себе, пока они шли.

– Каждый бог из пантеона участвовал в создании этого мира, – прошептал он. Благодаря невысоком росту Чарли им было легко наклонить головы друг к другу. – Тот, кто может видеть их волю и передавать их слова. Дозорный Майры.

Собственный меч Сайрека. – Он загибал пальцы на свободной руке. – Наследник – Избранный Лашрин, королевская особа, выбранная богиней.

Мелиза ан-Амарат, никогда не отличавшаяся любовью к религии или молитвам, редко обращалась даже к Майре, богине моря, которую так любила. И Корэйн следовала ее примеру. Торговые пути и налоговое законодательство она знала лучше, чем божественный пантеон и его многочисленные хитросплетения.

Наклонившись к Чарли, она понизила голос.

– Они могут говорить от имени богини? – прошептала Корэйн, снова взглянув на Наследника. Зеркало сверкало. Даже после всего увиденного девушка едва ли верила своим глазам.

– Они могут говорить все, что им нравится, – фыркнув, ответил Чарли. В его голосе прозвучала горечь, а всегда смотревшие с теплотой карие глаза, казалось, излучали холод. Он опустил капюшон, обнажив загорелое лицо и еще сильнее нахмурился. – Боги говорят через всех нас, а не только через так называемых Избранных.

Внезапно стало не так трудно представить, почему Чарли был падшим жрецом и оставил свой орден. Но он поцеловал свои пальцы и коснулся бровей. Падший жрец все равно был большим праведником, чем все они вместе взятые.

И еще большим праведником казался Избранный Лашрин, выбранный богами наследник трона Айбала. Королев-

ский слуга богини жизни и смерти.

Корэйн сглотнула, пытаясь разглядеть отражение Наследника в зеркале, но их лицо искажалось в угасающем свете, испещренном матовой, искривленной поверхностью. Тем не менее, Корэйн смогла разглядеть черные, распущенные по плечам выующиеся волосы и отсутствие короны, обозначающей положение, а вот одежда была очень красивой, лучшей, что видела Корэйн со времен Аскала. Синяя, длинная шелковая мантия, расшитая серебряной и золотой нитью, поверх еще более длинной туники, оба достаточно легкие для жаркой пустыни.

Драконьи стражи стояли по бокам от зеркала и своего подопечного, выглядя бесстрашными и загадочными в своих шлемах. Они молчали, как и сидящие рядом темноглазые служанки, обе в одинаковых темно-синих платьях. Еще один стражник стоял над стоящей на коленях королевской особой, его чешуйчатые доспехи сверкали, но голова была непокрыта, а под мышкой он сжимал увенчанный клыками шлем.

Он окинул приближающихся Соратников взглядом, подобным живому огню, его глаза ярко горели даже в тускло освещенном зале. Как и у Наследника, его волосы были черными, но заплетены в косу, завязанную на конце кружком из голубого лазурита.

Здрав длинный изящный нос и скривив губы, он посмотрел на прибывших.

– Вы не торопились, командир, – сказал он, обращаясь к

лин-Лире.

Предводитель Соколов нахмурился и коснулся пальцами лба, приветствуя говорившего.

– Наши гости не привыкли к нашему... темпу, – ответил он, тщательно подбирая слова.

Тем не менее, его слова вызвали у Сигиллы едва слышный рык.

– С детства не ездила так медленно, – пробормотала она себе под нос. К счастью, охотница за головами замолчала, когда Наследник встали, поднявшись с ковра.

У Наследника был тот же цвет кожи, что и у драконьего стража, и тот же пронзительный взгляд. «Должно быть, они сиблинги», – подумала Корэйн, глядя на обоих. Оба человека держались с достоинством, не красивые, но эффектные, словно живые статуи из бронзы и агата. На пальцах, запястьях и шее Наследника сверкало золото. Никаких драгоценных камней, лишь бесчисленные тонкие, как нити, цепочки, сияющие, словно зеркало.

Корэйн знала и других, подобных Наследнику, тех, кто не был ни мужчиной, ни женщиной, или кем-то средним. Вспомнив о манерах, она неуклюже поклонилась, изобразив лучший поклон, который могла предложить королевской особе Айбала.

– Твое присутствие на наших берегах не осталось незамеченным. Его можно было почувствовать в перемене ветра, волнении священного ширанского табуна, – голос Наслед-

ника был тверд. На мгновение они окинули всех взглядом, внимательно рассматривая каждого Соратника. Затем угольно-черные глаза посмотрели прямо на Корэйн.

– Корэйн ан-Амарат.

Наследник Айбала подняли подбородок.

Никогда еще звук собственного имени не напоминал Корэйн щелчок хлыста. Она стиснула челюсти, стараясь выглядеть так же грозно, как и остальные Соратники.

Сораса шагнула вперед и скрестила руки на худом теле. Стоявший рядом с Наследником брат положил руку на рукоять меча. Как и Соколы, он обратил внимание на ее татуировки и кинжал – явные признаки убийцы из Амхара.

– Забавно, Айсадере, – пожимая плечами, ответила Сораса. – Видимо мы пропустили прием по случаю прибытия.

– Обращайся к моему сиблингу в соответствии с законным титулом или вовсе не обращайся, змея, – рявкнул драконий страж. Сомкнув пальцы на рукояти, он начал вытаскивать из ножен свой меч, демонстрируя неприкрытую, сверкающую сталь.

Стоящий справа от Корэйн Дом потянулся за своим мечом быстрее, чем смертные могли бы даже осознать. Он не обнажил его, но, в том числе и благодаря крупной фигуре, Древний выглядел достаточно грозно, чтобы даже брат Наследника отступил.

Веки Сорасы едва заметно дрогнули.

– Ты ведь видишь иронию в этом заявлении, Сибрез? –

Она сделала еще один шаг. – И какой титул мне использовать при обращении к тебе? Королевский выродок?

На мгновение Корэйн показалось, что Сибрез вот-вот набросится на амхара. Пока между ними не встал Наследник. Айсадере сверкнули глазами, но ничего не сказали. Вместо этого они отмахнулись от брата, взмахнув темной рукой с изящными, гладкими пальцами, не знавшими, что такое работа или война.

Сибрез поклонился и отпустил меч, хотя мускул на его щеке дрогнул.

Айсадере снова переключили внимание на Корэйн, встречаясь с ней взглядом.

– В твоих жилах течет кровь Древнего Кора, – обходя Корэйн, сказали Айсадере. Ступая босыми ногами по богатым коврам, они не производили никакого шума. В шатре было удивительно тихо по сравнению с пустыней.

Корэйн прикусила губу. Несмотря на то что доказательства этого остались в оазисе позади них, присутствовали в самом Веретенном клинке, она все еще чувствовала себя неловко от знания родословной своего отца. И когда встречала незнакомцев, и когда оставалась наедине со своими мыслями.

– И не только, – выдавила она.

С каждым шагом Айсадере приближались ближе, пока не оказались в ярде от Корэйн. Она почувствовала запах парфюмированного масла, которым они пользовались, – жас-

мин и сандаловое дерево. «Привезено из Рашира», – поняла она, думая о том, какой долгий путь проделал бесценный маленький флакончик, прежде чем масло оказалось на запыстье королевской особы.

– Но именно кровь Древнего Кора движет тобой, толкая вперед, в неизвестность, – сказали Айсадере, глядя широко раскрытыми глазами и словно заглядывая в самую душу. Корэйн старалась не нервничать под таким пристальным взглядом. – Во всяком случае, именно это повелили нам во время уроков. Что потомки Древнего Кора – беспокойные, своенравные дети других звезд, они вечно ищут дом, который никогда не найдут. – Наследник посмотрели на Дома и наклонили голову. Тот не сдвинулся с места. – То же самое говорят и о Древних. Я вижу Глориан в твоих глазах, бессмертный.

Дом изобразил нечто среднее между улыбкой и гримасой.

– Я родился в Варде, Ваше Высочество. Мои глаза никогда не видели Глориана.

Наследник улыбнулись, показав слишком много зубов, похожих на зубы акулы.

– Но он живет в тебе, – сказали они, пожимая плечами. – Так же, как богиня живет в нас.

– Свет Лашрин говорит мне о многом – в основном загадками, – продолжали Айсадере, разводя руками. Их длинные рукава извивались, нити сверкали, как звезды в темно-синем небе. – Они сбивают с толку, пока не сбудутся, и тогда их путь можно проследить в обратном направлении. Но одно

богиня доносит четко и ясно.

Наследник подняли окаймленный золотом палец. Позади в зеркале блестели последние лучи заката.

– Мир в серьезной опасности. Вард вот-вот падет.

Корэйн поджала губы. «Так вот на что мы потратили столько времени? Еще один правитель, который любит звук собственного голоса и говорит нам то, что мы и так знаем?»

– Да, мы в курсе, – выдохнула Корэйн. Эндри пихнул ее локтем. Его лицо было непроницаемой маской. Оруженосец давно привык к бессмыслице, которую несли королевские особы.

Командир лин-Лира приложил руку к груди и поклонился, привлекая внимание Айсадере. Взгляд Наследника смягчился.

– Галланд становится все смелее, – сказал он, снова выпрямившись. – Двести солдат прошли по нашей земле, чтобы защитить отродье, которое может убить нас и потопить наши флоты.

«Айбал – величайшая морская держава в Варде. Угроза их флоту расценивается как угроза всему королевству», – знала Корэйн. И Галланд тоже понимал это.

– Значит, это правда. Веретено сорвано, – Айсадере вздохнули, прикусив губу. – Наши молитвы оказались бесполезны. А ведь так хотелось, чтобы толкования оказались ошибочны. Но, увы, зеркало не лжет, и вот мы здесь.

Корэйн посмотрела на бронзовый диск позади Айсадере.

Матовая поверхность выглядела обыкновенной и ни капли не загадочной. Совсем не похожей на источник пророчества.

Сибрез оскалился.

– Что осталось от чудовищ?

Искренне усмехнувшись, Сигилла хлопнула кулаком по своей кожаной броне.

– Ничего, одни кости, – похвасталась она. – Всегда пожалуйста.

Сибрез склонил голову.

– Так держать, темурийка.

Лин-Лира продолжил:

– Королева Эрида не только нарушила наши границы, но и двинулась на Мадренцию.

– Едва ли это новость. – Айсадере хлопнули в ладоши. Собравшиеся в углах шатра служанки принялись зажигать свечи. Окружающие зал тени исчезли. – Галланд ссорится с Мадренцией каждое десятилетие.

– Они движутся по Ривероссу, направляясь в Рулайн, – продолжал лин-Лира, его голос был наполнен глубоким смыслом.

Корэйн мало что знала о богах и жрецах, но она знала карты. Она знала Вард. Стоило ей мысленно представить маршрут королевы, как ее сердцебиение участилось, и, подавив приступ паники, она посмотрела на Эндри. Он смотрел на нее, нахмутив брови. Не было нужды читать его мысли, чтобы увидеть в его глазах отражение своих собствен-

ных тревог. Если армии Эриды шли на юг вдоль Риверосса, направляясь к мадрентийскому городу Рулайн, значит, они действительно объявляли войну. Ее вторжение – и вторжение Таристана – началось.

– Ненавижу политику северян, – пробормотали Айсадере. – Сплошное варварство.

Как и подобает оруженосцу, воспитанному во дворце и рожденному при дворе, Эндри шагнул вперед и умело отвесил поклон, согнувшись в талии.

– Вы позволите, Ваше Высочество? – спросил он, почти-тельно глядя на Наследника.

Айсадере смотрели на него, как смотрят на необычное растение.

– Да?

Эндри выпрямился и прижал руку к груди.

– Я родился в Галланде и вырос при дворе Эриды. На протяжении многих поколений вдоль границы происходили столкновения, но вот уже сто лет ни одна настоящая армия не двигалась ни в ту, ни в другую сторону. Если то, что говорит командир, правда, то королева Эрида действительно ведет войну на севере. И делает это не одна, а вместе с монстром.

– Безвестный, за которого она вышла замуж? – Айсадере усмехнулись и посмотрели на Сибреза. Лица благородных особ исказились, когда они обменялись надменными ухмылками. – Всемогущая королева Галланда замужем за каким-то

никому не известным выскочкой из Кора. Стоит признать, даже это ускользнуло от Лашрин. Но нам ли судить о капризах другого сердца?

Корэйн стиснула зубы. Решительно откинув накидку, она высвободила Веретенный клинок, вытащив из ножен стальной меч. Взгляд Айсадере остановился на лезвии, они изучали меч и странные знаки на нем. Остальные присутствующие, даже стражники в шлемах, тоже смотрели на клинок, их глаза светились в свете свечей. Очарованные древним оружием Сибрез и лин-Лира рассматривали меч издалека. Корэйн почувствовала, как вся тяжесть зала давит на нее, внимание каждого человека оказалось приковано к ней.

«В последний раз, когда я предстала перед королевской особой, она пыталась меня убить. По крайней мере, Айсадере не предпринимали подобных попыток... пока».

– Этот неизвестный – мой дядя, Таристан из Древнего Кора, и единственный живой человек, который может вскрыть Веретено, – сказала Корэйн. Она старалась, чтобы ее голос соответствовал твердой стали в ее руке. «Нам не удалось склонить на свою сторону Галланд. Мы не можем снова потерпеть неудачу». – Он сделал это здесь, в ваших землях. Открыл портал в Миэр и отправил чудовищ бесчинствовать в море. Мы закрыли проход, что спасло ваши флоты от гибели. – Меч лежал в ее руке как влитой, не тянущий вниз якорь, а поддерживающая ее опора. Она сжала клинок, позволяя его силе наполнить ее. – И, как только сможет, он сно-

ва сорвет Веретено. Неважно, как дорого это обойдется Варду.

После долгих минут молчания Айсадере отвели взгляд от клинка. Выражение их лица ожесточилось, и они снова посмотрели на свое зеркало. Но света не было, свечи едва освещали поверхность. То, что они хотели увидеть, не появилось.

– Ты знаешь, куда он отправится? – спросили Айсадере, и Корэйн почувствовала жалкую вспышку надежды. – Где другое Веретено?

До того, как Корэйн успела ответить, подал голос Чарли. На его лице красовалась игривая ухмылка.

– Может, спросить ваше зеркало?

Айсадере подняли подбородок.

– Зеркало показывает то, что пожелает открыть богиня. Оно не подчиняется прихотям смертных.

– Значит, оно показывает вам лишь то, что вам нужно... когда уже поздно и время прошло? – съязвил Чарли. Он явно наслаждался происходящим.

Корэйн поморщилась, борясь с желанием наступить жрецу на ногу.

Наследник покраснели и нахмурились. Они подвинулись, встав между Чарли и священным кругом из бронзы, словно это был ребенок, которого нужно было защитить.

– Я не стану слушать ересь.

– Можете закрыть уши, – ответил Чарли, и тут Сигилла зажала ему рот рукой.

– Мне казалось, Айбал – единственная страна, где тебя не ищут, – проворчала охотница за головами, прижимая его к своей груди. Несмотря на твердую хватку Сигилы, Чарли закатил глаза. – Пытаешься изменить положение вещей?

– Неужели вы не можете вести себя прилично? – прошипела Корэйн сквозь стиснутые зубы, переводя взгляд с Сорасы на Дома и Чарли.

Она отошла в сторону, скрывая вынужденного молчать Чарли от взора Наследника. «Мы здесь не для того, чтобы обсуждать религию».

– Вы правы, Ваше Высочество, – сказала она, нервно сжимая рукоять Веретенного клинка. Кожа стала казаться знакомой, подходящей ее собственной руке, а не руке ее отца. Девушка старалась не думать о том, что это значит. – Вард в серьезной опасности, и вы давно осведомлены об этом.

Айсадере опустили подбородок лишь на дюйм, но этого было достаточно.

Несокрушимая и глупая надежда, которую Корэйн усердно старалась игнорировать, продолжала расти.

– Как и ваш отец, верно? – спросила она, оценивая реакцию Айсадере.

Лицо Наследника потемнело, широкая улыбка превратилась в оскал. На секунду Корэйн заволновалась, испугавшись, что перегнула палку.

Затем Айсадере обменялись понимающим взглядом с братом.

– Безусловно, он знал, – ответил Сибрез, его голос дрожал от разочарования.

– Значит, он сбежал, – поняла Корэйн. Теперь все встало на свои места. – В летний дворец, высоко в горах.

Королевские особы побледнели и отвели взгляды. Стыд накрыл их, словно ураган. Он не оставил без внимания и лин-Лиру, его покрытая мозолями рука сжалась в кулак.

– А вы, ваши Соколы... – Корэйн повернулась к командиру, читая язык его тела. – Вы отказались идти с ним. Ваш король, ваша кровь и долг. – Под ее пристальным взглядом лин-Лира переступил с ноги на ногу, и, несмотря на то что он был на десятки лет старше девушки, она почувствовала себе взрослее и опытнее.

– Вы возразили короне ради спасения Варда, – прошептала она.

Хотя она много дней скакала вперед под началом лин-Лиры, находясь во власти командира и его солдат, ей казалось, что она видит его впервые. Морщины от улыбки около губ, следы седины в бороде. Доброта в глазах. Страх, сжимающий его ребра. Внезапно он показался ей не таким уж пугающим, по сравнению с теми одетыми в лохмотья Соратниками, которых его люди увезли из пустыни. «Все мы теперь убийцы. – Корэйн вспомнила кровь на своих руках. – Даже я».

Айсадере положили руку на плечо лин-Лиры, успокаивая командира. Они были не так молоды, как показалось Корэйн: суровое лицо было испещрено возрастными морщина-

ми. Как и в случае с лин-Лирой, Корэйн видела написанные на нем сомнения и страх.

– Если Вард падет, корону не спасти, – вздохнули Айсадере, дольше положенного задержав пальцы на плече командира Соколов. Затем они отдернули руку и расправили плечи, вставая ровнее перед Корэйн, Соратниками и Веретенным клинком.

Свет свечей горел в их глазах. Хотя пламя было теплым и золотистым, Корэйн невольно ощущала обжигающий красный жар, напоминание о Том, Кто Ждет. Теперь он горел где-то на другом конце Варда, умоляя снова скорее разжечь огонь.

Айсадере жестом указали на стол, приглашая всех присесть.

– Расскажите мне все.

* * *

Служанки дважды меняли свечи, прежде чем Корэйн закончила свой рассказ, который осторожно дополнили Дом и Эндри. Пока большинство сидело за столом, Сораса вышагивала по залу. Чарли упрямо молчал, опасаясь жестоких рук Сигиллы. Хотя они проговорили до самой ночи, стражи Айсадере следовали за Сорасой, держась на расстоянии и никогда не сбавляя шага, при этом неустанно наблюдая за амхара. Корэйн узнала, что их называют Эла-Дирэйн: Благосло-

венные Драконы. Как Соколы защищали короля Айбала, так и эти воины поклялись защищать Избранных Лашрин. Они были готовы погибнуть от собственных мечей, если Айсадере сказали бы им, что этого желает богиня.

Сокрушительная сила, с которой нельзя было не считаться.

Наследник молча слушали, оставаясь задумчивыми.

«Но Эрида тоже слушала, и все знают, к чему это привело».

– А потом Веретено исчезло, закрылось, – произнесла Корэйн, глядя на рану на своей ладони. Несмотря на долгие дни с поводьями в руках, кожа хорошо заживала. Веретенному клинку было по меньшей мере тысяча лет, но он был таким же острым, как в день своего создания, и резал четко. Она все еще чувствовала его укус, холодную сталь против плоти. – Воды ушли обратно в песок, оставив лишь тела и пустой оазис. Мы отошли в сторону, чтобы собраться с силами. Там нас и нашли Соколы.

– Командир? – позвали Айсадере, впервые за несколько часов подав голос.

Стоящий у выхода из шатра лин-Ли́ра кивнул.

– Такова правда, – вздохнул он.

Сигилла поставила локти на стол и наклонилась вперед, прядь черных волос упала на один глаз.

– Вот так мы, ваши пленники, и оказались здесь.

– В последний раз повторяю, вы не пленники... – раздра-

женно начал лин-Ли́ра, но Сигилла перебила его.

– Тогда мы можем уйти? – огрызнулась она, глядя на Наследника.

– Да, – не колеблясь ответили Айсадере. – Со временем.

Низкое шипение сорвалось с уст Сигиллы, прорвавшись сквозь стиснутые зубы. Корэйн тоже почувствовала разочарование, но под столом пнула охотницу за головами ногой, чтобы та замолчала. Темурийка в клетке – настоящий кошмар, только и ждущий своего часа, буря, которая так и просится наружу.

– Чего хочет от нас Избранный Ла́шрин? – тщательно подбирая слова, спросила Корэйн. Айсадере выпрямились, явно обрадовавшись подобному обращению.

– Информацию, – ответили Наследник. – Направление. Время.

Сидящий в низком кресле Дом казался горой, его тело напоминало груды камней. Одна его рука лежала на столе, совершенно неподвижная, если не считать постукивающего по столу пальца.

– Время для чего?

– Приготовиться, Древний. – Айсадере жестом указали на пол шатра и пустыню за его пределами. – Если Эрида Галландская собирается развязать войну со всем миром, мы должны быть готовы к этому. Отправим посланников к Эриде и к отцу...

Сигилла снова усмехнулась.

– У вас нет времени на дипломатию.

Корэйн почувствовала, что ее терпение иссякает. Она быстро встала, жалея, что не может показать королевским особам то, что Соратники видели в Нэзрае. То, что она видела в своих бессвязных снах. «Красные руки, белые лица, что-то движущееся за теньями, нечто голодное и растущее».

– Разве вы не слышали, что мы только что сказали? – выдала она, ее лицо покраснело от злости.

Секунды летели, тишина становилась все более гнетущей.

– Эрида послала солдат в Айбал. Таристан сорвал Веретено в ваших землях, нацелившись на ваш собственный флот, и задался целью отрезать вас от него. – Корэйн провела пальцем по столу. Ей захотелось достать карту хотя бы для того, чтобы ткнуть ею в лицо Айсадере и заставить их прозреть. – Они пытаются ослабить своего сильнейшего противника еще до того, как вы поймете, что находитесь в состоянии войны!

Она ожидала, что Айсадере начнет спорить или что их брат Сибрез снова потребует более уважительного обращения. Но ни одна из королевских особ ничего не сделала, они просто продолжили неподвижно сидеть на своих местах. Айсадере опустили глаза и тихо вздохнули.

– Я не король Айбала, – пробормотали они, и в их словах прозвучало сожаление. – У нас нет права командовать его флотом или армией.

Корэйн зажмурилась.

– Тогда что мы вообще здесь делаем?

– Я не король, – повторили Айсадере, на этот раз громче. Их взгляд оставался решительным. – Но я Избранный Лашрин. Я говорим от имени богини, и богиня велела мне помочь вам. Богиня указала путь.

Расхаживающая где-то возле бронзового зеркала Сораса остановилась.

Два следовавших за ней Дракона тоже замерли, продолжая держать в руках копья.

– Флот Айбала был бы воодушевляющим началом, – проворчала Сораса.

Айсадере сухо рассмеялись.

– Все эти долгие часы ты молчала, амхара. Стоит признать, я боялись, что ты всадишь нож мне в шею. – Повернувшись, Наследник посмотрели на Сорасу. Их связывало общее происхождение, оба были детьми Айбала, но такими же разными, как дракон и тигр. – Или на меня больше нет контрактов?

– Их много, Ваше Высочество. – Сораса привычно ухмыльнулась. – Но я немного занята концом света. Контракты подождут.

«Павшая амхара, сломленная амхара». Корэйн вспомнила слова Вальтик. Сораса больше не была амхара, ее изгнали из Гильдии, которую так ненавидели эти люди. Но она по-прежнему с гордостью носила кинжал и принимала титул, даже если он клеймил ее как неуютную для присутствующих.

– Буду ждать, – ответил Сибрез, в его словах звучала угро-

за. Сораса усмехнулась, обнажив зубы.

Не у одних Айсадере была смертоносная улыбка.

Наследник обернулись и посмотрели на стоящую над ними Корэйн.

– У тебя необычные друзья, Корэйн ан-Амарат.

«Друзья». Слово казалось странным для описания их компании, и особенно для Корэйн. Конечно, она считала Эндри другом, как и Дома. Они были ей так же близки, как Кастио, как команда ее матери. Она доверяла им; заботилась о них. Но Сораса? Убийца, не хранящая верность чему-то или кому-то?

Ее сердце забилося быстрее. «Во дворце она вернулась, чтобы спасти нас. Схватила меня тогда в каньоне. Когда Дом не заметил опасность, она увидела ее. Она все понимала и все равно рисковала своей жизнью, чтобы спасти мою». Корэйн вспомнила, как амхара тянула ее к себе по открытому воздуху, как ее тело пролетело в считанных дюймах от скалы.

А Вальтик? Старуха спала в своем кресле, положив голову на стол и выглядя так, словно перебрала эля. В лучшем случае она мешала, в худшем – сбивала с толку. Она гремела своими костями и тарабанила рифмы, не говоря ничего и в то же время открывая так много. «Старая ведьма стояла между кракенom и всеми нами, изо всех сил сдерживая его. Без нее мы бы погибли, а Вард бы уже проиграл». В кармане у Корэйн по-прежнему лежали костяные бусины, джидийский амулет с корабля, полученный целую жизнь назад. На

нем все еще оставались черные следы засохшей крови Таристана.

Чарли, который постоянно жаловался. Он научил Корэйн делать тирийские печати и торговые письма. Несмотря на трудную дорогу, он шутил, и благодаря ему она чувствовала себя не такой одинокой.

Сигилла, грубая и горделивая, готовая рискнуть жизнью ради хвастовства. Предавшая, а затем спасшая их всех. Та, которая каждую ночь стояла на страже.

«Друзья?»

Голос Айсадере прорвался сквозь шквал мыслей Корэйн.

– Не в нашей власти предложить вам флот, но у нас есть корабль.

Сидящие за столом Соратники, в том числе и Корэйн, обменялись взволнованными взглядами. Она облизала губы, осмелившись надеяться и пытаясь побороть искреннюю улыбку, появившуюся на ее лице.

– Наш собственный, стоящий на якоре у берега, – сказали Айсадере, кивнув в направлении берега. «В нескольких милях, – знала Корэйн, – но достаточно близко. Особенно учитывая, как далеко мы забрались». – Корабль снабжен провизией и укомплектован, чтобы провести вас через Долгое море.

Плечи Корэйн опустились.

– Мы не знаем куда, – пробормотала она, ее голос прозвучал крайне тихо, и она вдруг почувствовала себя такой

незначительной. Все остальные собравшиеся вокруг стола не высказали никаких предположений.

Но Айсадере откинулись на спинку стула, сложив на столе красивые руки.

– Богиня знает.

Все взглянули на Наследника.

Чарли резко вдохнул.

– Какие тени показало ваше зеркало? – спросил он, его голос дрогнул. – Какой путь, по-вашему, вы видели?

Айсадере повернулись и снова посмотрели на бронзовое зеркало, теперь ставшее тусклым. На лице Наследника появилась небольшая улыбка.

– Это вы мне скажите, – прошептали они. – Мне явился первый снег и белый волк, бегущий с ветром.

– Белый волк? – Дом растерянно нахмурился. Корэйн тоже чувствовала себя сбитой с толку.

Но сидящий рядом с ней Эндри наклонился вперед, опершись руками о стол. В его глазах горело понимание.

– Вы говорите о принце Трекии, – сказал он, улыбаясь Айсадере. – Осковко. Это его символ.

Айсадере улыбнулись.

– Возможно, он станет тем союзником, который нужен вам, пока не пробудится Айбал?

– Принц Трекии – пьяница и хам, способный лишь на перепалки с джидийскими налетчиками, – пожав плечами, усмехнулась Сораса. – Он не выстоит против армии Тариста-

на и Эриды.

– Осковко был одним из самых перспективных ухажеров Эриды, – ответил Эндри. – Он наверняка затаил на нее обиду. Возможно, этого хватит, чтобы повлиять на него.

Трекия не имела выхода к морю, а значит, и побережья, на которое могла бы напасть Мелиза ан-Амарат, и Корэйн мало что знала об этом государстве, только простые факты. Маленькая, но гордая страна на севере, довольствующаяся лишь контролем над своими железными рудниками, стальными кузницами и мало чем еще.

Она закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями.

– Они нужны нам не для того, чтобы сражаться с армией Эриды, – пробормотала она, еле слышно вздохнув. – А для того, чтобы помочь закрыть следующее Веретено.

Ее сердце дрогнуло от этой перспективы, все еще измученное последним закрытым Веретеном.

– И где оно может быть? – проворчала Сораса, переводя взгляд с Корэйн на зеркало Айсадере. – Есть какие-нибудь предположения?

– Об этом в зеркале нет ничего конкретного, – ответили Айсадере, и их улыбка померкла.

Убийца зашипела, словно змея, вытатуированная у нее на шее.

– Ну конечно, как иначе.

Корэйн повернулась.

– Вальтик? – позвала она, глядя на старуху, которая теперь

тихо похрапывала. – Есть идеи?

Сигилла хлопнула джидийскую ведьму по плечу, заставляя проснуться. Вальтик заморгала и села, ее глаза все того же обезоруживающего голубого цвета теперь казались самым ярким, что было в комнате. Даже мерцание свечей потускнело.

– Идеи, Вальтик, – взволнованно повторила Корэйн. – Где может быть следующее Веретено? Куда теперь направится Таристан?

– После него лежат только розы, – хихикнув, ответила ведьма. Она начала заново заплетать свои волосы, убирая засушенные веточки жасмина и старой лаванды, – остаются от них лишь увядшие лозы.

Корэйн стиснула зубы.

– Да, мы знаем, что он на Ривероссе.

– Или, возможно, она говорит о самих бутонах, – предположил Чарли. – Ведь это знак древней империи, Кора.

«Моей собственной крови», – подумала Корэйн. Она вспомнила розы во дворе Эриды, бедных слуг, всю ночь срезавших цветы для свадьбы с чудовищем. Красные, как фигуры в ее снах, кровь на ее мече и платье, которое Эрида надела в ту ночь, когда пообещала помочь им спасти Вард, а потом бросила их на съедение волкам.

«Сейчас не время беспокоиться о розах. Нам нужны ответы».

– О чем говорят кости, Gaeda? – настаивала она, коснув-

шись плеча Вальтик. Другой рукой Корэйн потянулась к мешочку с крошечными костями, которые звенели внутри.

Айсадере резко втянули воздух. Они встали из-за стола, их ноздри раздувались.

– Я не потерплю джидийскую магию в моем присутствии, – прошипели они, в их глазах мелькнула тень отвращения. – Не перед Лашрин.

Корэйн открыла рот, намереваясь узнать о причине столь бурной реакции, но Вальтик снова рассмеялась, опередив ее.

– Смотришь вперед и видишь лишь ноль, – проворчала она, откладывая свой мешок с костями. – И ты, Наследник, и твой король.

– Как ты смеешь, ведьма? – раздался рык Айсадере. Стоявшее позади зеркало оставалось тусклым – просто круг из бронзы. – Ты сомневаешься в воле богини?

Корэйн удивилась, когда Чарли встал между ними, раскинув испачканные чернилами руки.

– Она ни в чем не сомневается, Ваше Высочество, – сказал он успокаивающим тоном. – Ее убеждения, как и ваши собственные, лежат в основе всего сущего. Она так же, как и вы, служит богам, но по-своему.

Айсадере посмотрели на него, внимательно изучая. Их взгляд задержался на его пальцах.

– И каким богам служил когда-то ты, жрец? – пробормотали они.

Чарли выпрямился, подняв подбородок.

– Я служу им до сих пор.

– Очень хорошо, – ответили Айсадере, опускаясь обратно в кресло.

Корэйн стиснула зубы, обдумывая, так ли ценна помощь Айсадере в сравнении с магией Вальтик. Не самый простой выбор. К счастью, ведьма была не в настроении для подсказок. Она бросила на Корэйн пристальный взгляд и, встав из-за стола, направилась в сторону пустыни. Стражники не преградили ей дорогу, и она исчезла в ночи, оставив после себя слабый запах зимы.

Сораса снова начала шагать по шатру, качая головой.

«И что теперь? – гадала Корэйн, надежда затеплилась у нее в груди. – Без направления мы просто блуждаем, с корабля не увидеть берегов». Она ломала голову, пытаясь придумать, что могло бы помочь им.

– Совершенно ясно, что мы не знаем, где находится следующее Веретено. – Признание казалось свидетельством поражения, но она преодолела это чувство и принялась ходить вокруг стола. И снова ей бы не помешала карта. Или перо и пергамент. Нечто, что можно было бы держать в руках, что помогло бы ей думать. – Что мы знаем?

– Эрида и Таристан достаточно сильны, чтобы успеть взять Мадренцию силой до того, как другие королевства смогут прийти им на помощь. Они понимают это, иначе не шли бы на Рулайн, – тихо заметил Эндри. Корэйн заметила на его лице признаки усталости, наконец-то настигшей его после

долгой поездки по пустыне.

Сораса согласно кивнула.

– Такого не случилось уже сто лет. И с Эридой Таристан. Либо он идет к другому Веретену, либо захват Мадренции для него важнее.

Корэйн осмысливала все, что знала, отмечая полученные сведения так, словно составляла списки в старой бухгалтерской книге. В ее памяти всплыла карта Оллварда, знакомая, как лицо матери. Она увидела полную опасностей границу между Галландом и Мадренцией, которая проходила вдоль Риверосса и была усеяна замками, защищавшими обе стороны. Затем Риверосс встречался с Ривеалсором, и эти две реки сливались вместе, впадая в море. У их слияния стоял Рулайн, первый большой город на пути Эриды. Не такой грандиозный, как мадрентийская столица Партепалас, но, безусловно, достойный приз для любого завоевателя.

Сидевший на своем месте Дом провел рукой по шрамам. Корэйн вздрогнула, вспомнив о скелетах солдат и их ножах.

– Нет, Таристан по-прежнему охотится на Веретена, как и мы, – произнес он. Его губы скривились от отвращения. – Ищет подсказки в старых легендах, слушает шепот этой красной крысы – жреца.

Айсадере прищурились.

– Он срывал Веретена с тех пор, как вы видели его в последний раз? Вызывал... что-то более ужасное?

Вздохнув, Дом расправил плечи, прогоняя печаль. Даже

бессмертные ощущали душевную боль.

– Мы не знаем.

– У нас еще есть время, – вздохнул Чарли, барабанив пальцами по столу.

Сигилла искоса посмотрела на него и усмехнулась.

– И с чего ты это взял?

Жрец пожал плечами и откинулся на спинку стула. Он сложил руки на животе, как человек, насладившийся хорошим обедом.

– Веретена поддерживают мир. Мы еще не умерли, так что это уже кое-что.

– Уже кое-что, – повторила Сигилла, качая головой.

«Мы еще не умерли». Корэйн едва не рассмеялась, и, казалось, последствия долгого тяжелого путешествия и тренировок разом захлестнули ее. Морские змеи, лошади, город-оазис, теперь наполненный лишь призраками. «Мы еще не умерли, – подумала она. – Стоит вы ткать это на гобеленах, ибо, похоже, вот она, главная мысль нашего путешествия».

– Мы знаем, где находится Веретено.

Разнесшийся по шатру звонкий голос Эндри напоминал звук колокола. Он взглянул прямо в глаза Корэйн, карий встретился с черным, земля наткнулась на камень. Она нахмурилась, пытаясь понять, о чем забыла, погрузившись в свои воспоминания. Прислоненный к ее стулу Веретенный клинок все еще лежал в ножнах. Теперь он казался камнем, пытающимся придавить ее к земле и похоронить.

Она была уже готова озвучить вопрос, но Эндри ответил до того, как она успела задать его.

Сожаление отразилось на его лице, уголки губ опустились. В голосе оруженосца звучала боль, словно в его тело всадили нож, а затем стали медленно поворачивать рукоятку.

Он приоткрыл рот, стиснул зубы и сжал челюсти. Слова причиняли ему мучительную боль.

– Храм, – выдавил он, и Дом резко втянул воздух.

Древний практически молниеносно вскочил из-за стола и удалился из шатра, пола которого хлопнула, словно подхваченная сильным ветром. Сораса замерла, ее тигриные глаза округлились, когда она озадаченно уставилась ему вслед.

Корэйн моргнула. Мир под ее ногами дрогнул, и она едва не упала.

Айсадере непонимающе наклонили голову, как и их брат.

– Храм?.. – озадаченно начала Сигилла.

«Ее там не было. Она не понимает».

И хотя Корэйн знала ту историю, помнила, кто погиб в той резне, чья кровь пропитала земли в предгорьях, она в полной мере не понимала всю суть случившегося. «Меня тоже там не было. Я не видела, как умер мой отец или кто-то другой. Я не могу понять, насколько тяжела эта ноша».

А вот Эндри – напротив, он опустил голову, подбородком почти коснувшись груди.

– Мы должны вернуться, – прошептал он, его голос дрог-

нул.

Корэйн ощутила, как касается рукой его плеча, даже не осознавая, что именно делает, его тело было твердым и теплым под ее пальцами. Лишь так она могла попытаться успокоить его. «Возможно, есть какой-то другой способ...» – задумалась она, уже зная ответ.

Затем перевела взгляд с головы Эндри на зеркало в задней части шатра. Взошла луна, видневшаяся сквозь отверстие в покатой крыше. Диск блестел, отражаясь от бронзовой поверхности зеркала. На мгновение Корэйн показалось, что она увидела холодное и белое лицо.

– Мы должны вернуться назад, – повторила она.

Глава 7

Даже не призрак

— Домакриан —

«Нет ничего неправильного в том, что вы по нему скучаете. Это нормально, что вы ощущаете его отсутствие».

Эндри Трелланд сказал об этом несколько недель назад, у реки и ив, когда кошмары стали такими ужасными, что их не мог вынести даже Дом. Теперь он определенно чувствовал себя так, будто попал в дыру, которая с каждой секундой становилась все шире. Сначала она поглотила его сердце. Остальные части его тела скоро последуют за ним.

Бессмертный видэр смотрел на усеянное звездами ночное небо, сотню точек света в бесконечной темноте. Одна за другой они мерцали, возвращаясь с каждым закатом. В этот миг Домакриан из Айоны ненавидел звезды, ибо они не могли умереть.

Не как все остальные. Не так, как все, смертные или бессмертные, которыми дорожил Дом. Все они либо умерли, либо были близки к этому, балансируя на грани уничтожения. Странно было осознавать, что все и вся, кого он знал, может исчезнуть.

За Корэйн охотились два самых опасных человека в мире, листовки с ее лицом и именем расклеили по всему Варду.

Не говоря уже о том, что она была единственной, кто стоял между Оллвардом и апокалипсисом. Сложное положение для любого, не говоря уже о молодой смертной. Наряду с ней преступником считался и слишком благородный ради своего собственного блага Эндри. В любой момент он мог оказаться перед мечом. А Рия, любимая кузина Дома, находившаяся лишь боги знают где, колесила по Варду в поисках союзников, которые, возможно, никогда не найдутся.

Дом проклинал трусость ее матери, но также до боли скукал по ней. Если бы только правительница Айоны стояла сейчас с ними, если бы у них была ее сила и сила других поселений бессмертных. Он боялся и за нее, и за всех дома в Тиарме, и за находящихся в шатре Наследника. Даже за Вальтик, бродящую среди песчаных дюн и бормочущую что-то себе под нос. Лишь судьба Сорасы Сарн не вызывала у бессмертного беспокойства, он сомневался, что даже конец света сможет убить ее. Она как-нибудь найдет выход, независимо от того, какую цену заплатят за это другие.

Дом тяжело дышал, будто последние несколько дней бежал по песку, а не ехал верхом. Его грудь сдавило, а рана на боку, хоть и затянувшаяся, жгла, словно свежая. Со шрамами дело обстояло еще хуже, они горели и зудели, будто существа из Асандера касались его, их костлявые пальцы и сломанные мечи терзали кожу бессмертного.

В кошмарах ему не удавалось убежать от них. Они тянули его вниз, все ниже и ниже, пока небо над головой не пре-

вращалось в круг, а весь остальной мир не окрашивался в черно-красный. Дом слышал крики Кортаэля. Ощущал запах его крови. Воспоминания не отпускали даже наяву, для этого они были слишком яркими.

«А теперь мы должны вернуться».

Многие минуты и века звезды колесили по небосводу, бесконечно кружа над головой. Даже в Айоне никогда не было столько звезд. Дом смотрел на них, ища ответ.

Тысячи огней не отвечали.

Но Домакриан из Айоны был не один.

– Некоторые говорят, что звезды – это все существующие миры, их свет – призыв и приглашение. – Дом не шелохнулся, когда рядом с ним появилась фигура. Подошедший был такого же роста, но темнокожим, его черные волосы были заплетены в косу, которая обрамляла голову подобно короне. Бессмертный сын Глориана, как и сам Дом.

Рот Дома приоткрылся от шока, и он сделал судорожный вдох.

На бессмертном не было доспехов, лишь длинные пурпурные одежды, а на изящных запястьях красовались тонкие браслеты. Переплетенные между собой пантеры, выточенные из агата и оникса, с изумрудами вместо глаз. Дом знал, что они означают и какому поселению принадлежат.

– Я знал, что двор Айбала поддерживает тесные отношения с видэрами юга, но не ожидал встретить одного из них здесь. Тем более принца Барасы. Какие новости ты несешь,

Сем? – Дом заговорил на видэрийском. Было приятно снова говорить на древнем языке своего народа.

Он поклонился бессмертному принцу.

Другой Видэр ответил ему тем же.

– Принц Домакриан из Айоны. Мой анклав не общался с твоим с тех пор, как ты родился в Варде. – Свет факела осветил лицо бессмертного, и Дом увидел орлиный нос, высокие скулы и слегка прищуренные глаза, словно их обладатель всегда улыбался, а еще обезоруживающе добрый взгляд.

«Сын правителя Шана», – понял Дом. Бараса была самым южным поселением в землях Олварда, расположенным глубоко в Радужном лесу. В то время как символом Айоны был олень, Бараса выбрала пантеру.

– Жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах, – ответил Дом, окинув взглядом шатры. Он пытался думать, как Корэйн, и понять, почему видэрийский принц следует за смертным Наследником Айбала. – Ты, конечно, слышал, о чем говорили внутри?

– Мы, видэры, всегда слушаем, как, я уверен, поняли твои смертные, – ответил Сем, издав низкий горловой смешок. – Будь уверен, я передам ваши вести моему отцу и остальным южным анклавам, но...

Дом стиснул зубы и сжал руку в кулак.

– Они не послушают? – проворчал он, стараясь не вспоминать об Айоне, Изибель и ее советниках, которые невидяще смотрели на него, пока он умолял их о помощи. – Как и

моя тетя.

Тусклый свет не мешал Сему видеть. Пробежавшись взглядом по лицу Дома, он отметил явное разочарование.

– Твоя тетя уже поведала им обо всем, – вздохнув, сообщил Сем. – Бараса получила послание несколько месяцев назад, как и Хизир с Салахэ.

Холод сжал сердце Дома в тиски. Послание. Он обдумывал это слово, понимая его важность. «Она не стала использовать свою магию ради помощи мне, но воспользовалась ею, чтобы встать у меня на пути. – Дом нахмурился, во рту появился горький привкус. – Бараса, Хизир и Салахэ». Поселения бессмертных на южном континенте, окруженные пустынями и джунглями. Далекое, слишком далекое, чтобы Рия могла добраться до них. Ее матери не составило труда первой связаться с ними.

– Послание получилось едва понятным, сила магии ослабла, преодолев многие мили, – продолжил Сем умиротворенным тоном.

Вспыльчивость Дома взяла верх, и он повернулся лицом к пустыне, уперев руки в бедра.

– Когда она отказалась сражаться, я подумал, что ее трусость не выйдет за стены Айоны, – прорычал он. – Ситуация гораздо опаснее, чем она думает, и что бы она ни сказала вам...

– Она лгала? – подсказал Сем.

– Нет, – ответил Дом. Даже сейчас он не собирался

врать. – Но она ошибается. Если мы не будем бороться, Вард падет.

Сем поджал губы, выражение его лица оставалось нечитаемым.

– Она считает, что этот Таристан из Древнего Кора откроет путь домой. В Глориан.

Дом едва не выругался, услышав название их мира.

– Никто из нас не готов платить подобную цену. Риск слишком велик, как для Варда, так и для всех остальных миров.

На удивление Сем лишь едва заметно кивнул. Затем он снова посмотрел на звезды, в его черных глазах отражались бесчисленные точки света.

– Благодарю тебя за твою храбрость, Домакриан. Мы, видеры, одарены многим, но в этом вопросе ты преуспел больше других.

– Я не очень-то и смел. – Дом провел рукой по лицу, ощущая шрамы. Кожа была жесткой и сморщенной. Ему никогда не стать таким, каким он был до случившегося в храме. И история вот-вот должна была повториться. – Я зол, опечален, разочарован, испытываю все это, но только не храбрость.

– Не согласен, – просто ответил Сем.

Дом лишь пожал плечами. Он еще раз смерил взглядом бессмертного принца, отметив скрытые под мантией крепкие плечи и мускулистые руки. Сем не носил никакого ору-

жия, но он явно не понаслышке был знаком с ним.

– Нам бы не помешал еще один бессмертный для защиты Корэйн, – тихо заметил Дом.

Сем поднял бровь. Пантеры на его запястьях мерцали в свете луны.

– Или я могу отправиться в ближайшее поселение и поделиться с Хизиром тем, что узнал.

Сердце Дома сжалось. Он проглотил внезапно появившийся в горле комок. На этот раз, подумав о резне в храме, он вспомнил Наура из Хизира, тихого воина, умершего на мраморных ступенях. Одного из многих павших видэров, явившихся со всех концов Варда. «Наверняка Хизир восстанет, чтобы отомстить за своих погибших?»

– Будем довольствоваться хотя бы этим, – хрипло сказал он. – Наследник будут скучать по тебе?

Принц Бараса покачал головой, бросив взгляд на шатер.

– Айсадере из Айбала поблагодарит меня за то, что я сделал для них эту работу. Полагаю, они пошлют вестников в смертные королевства, а также в анклав. – Он понизил голос, наклонившись ближе, словно сами звезды слушали его: – Станные вещи творятся по всей земле. Мой отец отправил меня на север в качестве своего посланника, поручив выяснить другую версию этой истории, и мой долг – передать то, что я узнал здесь сегодня. Правительница Айоны не может быть единственным голосом в этой песне.

Дом осмелился улыбнуться, холодный воздух коснулся

его зубов.

– Ты веришь нам, так ведь?

Сем крепко сжал его плечо.

– Представить не могу, что кроме конца света может быть причиной объединения таких разных людей, – ответил он.

Никогда еще слова не звучали настолько правдиво.

– Прощай, Домакриан. Быть может, мы встретимся еще раз.

– Надеюсь, не единожды. – Дом поднял руку, когда Сем отступил назад. Принц ответил ему тем же. – Да пребудет с тобой Эктхейд.

На этот раз Сем низко поклонился, повторяя старое прощание, почитающее богов Глориана.

– И Балер с тобой.

Радость от вестей Сема длилась недолго, и Дом снова погрузился в раздумья. Он и представить не мог, что снова окажется перед храмом, с армией или без. Он не хотел стоять на этой проклятой земле и видеть цветы, растущие из земли, пропитанной кровью Кортаэля.

Выругавшись на видэрийском, он пнул песок.

– А я-то думала, бессмертный принц Айоны обладает более изысканными манерами.

Дом почти зарывал. Схватка с Сарн могла бы стать желанным отвлечением от печальных мыслей, которым он предавался. Но воспоминания о Билкосе тоже причиняли боль, напоминая о бегущих быках, вкусе яда и слабом запахе

апельсинов.

Он повернулся и увидел, как тень материализовалась в слишком знакомую фигуру амхара. Она все еще была в пыли, пустыня не отпускала ее, и убийца очень органично вписывалась в эту местность. В конце концов, это был ее дом.

– Полагаю, я ошибалась, – сказала она, проведя рукой по своей длинной черной косе.

Когда она остановилась в метре от него, Дом раздраженно зарычал.

– Оставь меня, Сарн.

– Древний, я делаю тебе одолжение. – Она закуталась в свой дорожный плащ, укрываясь от ночного холода пустыни. – Или предпочитаешь, чтобы Корэйн и оруженосец пришли сюда и утешили тебя?

Дом снова ударил ногой по земле, посылая камень в полет. Он вел себя как ребенок, но был слишком расстроен, чтобы обращать на это внимание.

– Нет, полагаю, нет.

Он чувствовал пристальный взгляд убийцы так же ясно, как и слышал биение ее сердца: ровный, устойчивый ритм. Сарн не моргала, глядя на него этими странными медного цвета глазами. И хотя ни один из факелов не горел, ее очи словно полыхали огнем.

– Спрячь боль, – пробормотал Сарн. – Прогони воспоминания. Они лишь мешают.

«У подобных тебе всегда все просто», – хотелось огрыз-

нуться ему в ответ. Гнев казался приятнее, чем печаль или боль.

– Этому тебя учили в твоей гильдии? – ответил он, рассматривая ее.

Даже после нескольких недель, проведенных в седле, пока они пересекали беспощадную пустыню, эта женщина по-прежнему казалась опасной. Пыль и пот не заставили потускнеть ее клинок и не смягчили ее сердце.

Но в этот миг что-то странное промелькнуло на ее лице. Сарн повернулась к горизонту, ища взглядом почти невидимую границу, где земля встречалась с небом.

– То был первый урок, который я усвоила.

Ее сердце забилось быстрее, хотя вокруг них ничего не изменилось.

Даже ветер не шевелил песок. Тишина и спокойствие.

– Ты боишься, Сораса Сарн, – задумчиво сказал Дом. – Почему?

– Ты пьян, Древний? – Маска любезности исчезла с ее лица. Она повернулась, окинув его своим обычным, полным неприязни взглядом. – Мы пытаемся остановить конец света, и пока безуспешно.

Дом выпрямился, повернулся к ней и сжал кулаки. «Я не так слеп, как ты думаешь, амхара».

– Что-то, касающееся твоей родины, пугает тебя. С тех пор, как мы ступили на эти берега, страх не оставляет тебя. И раз я должен обеспечить выполнение нашей миссии, за-

щитить Корэйн, я должен знать причину.

Сарн шагнула к нему с грозным видом. Дом возвышался над ней, но каким-то образом ей удавалось казаться такой же высокой.

– Ни наше задание, ни Корэйн тут ни при чем, – огрызнулась она. – Это моя голова и ничья больше. – В груди Древнего что-то перевернулось. Сораса Сарн была убийцей, которая отнимала жизни. И, судя по всему, эта роль имела как положительные, так и отрицательные последствия. Судя по острому взгляду и напряженной челюсти, она не собиралась поведать что-то еще. Домакриан мало что знал о смертных, но, по крайней мере, он понимал, что прав насчет Сарн.

– Почему вы, амхара, всегда заключаете сделку в обмен на жизнь? – пробормотал он, вспоминая их соглашение, заключенное еще в Тириоте. Платой за ее помощь в выполнении задания и спасении Варда станет его собственная жизнь.

К удивлению Дома, уголок рта Сорасы едва заметно приподнялся. Лишь намек на улыбку, но этого было достаточно. Ее сердцебиение снова замедлилось.

– Возможно, Наследник Айбала и религиозные фанатики, но их помощь не будет лишней, – сказала она, мастерски меняя тему.

– Мне казалось, ты тоже поклоняешься их богине?

Убийца казалась непонятной загадкой, он даже не знал, с какой стороны подступиться к ней.

Сарн пожала плечами.

– Лашрин управляет жизнью и смертью, я бы повела себя глупо, если бы не почитала ее, – ответила она. – Но, что бы ни говорили Айсадере или что бы ни думали, им является в пустом зеркале, богиня не живет в телах смертных.

Следы улыбки исчезли, когда она оглянулась на шатер с находившимися там людьми.

– Мои боги хранят молчание, – проворчал Дом.

Он снова поднял голову и взглянул на звезды. Теперь ему претило, что это были звезды Варда, а не звезды Глориана. Звезды, которых он никогда не видел.

Он понизил голос.

– Мы разлучены до тех пор, пока мой народ не вернется домой в наш мир.

– Полагаю, твои старые соратники сейчас с ними, – напыщенно предположила Сарн. Она не умела утешать людей, а уж тем более Домакриана. – Те, кто погиб.

Дом покачал головой:

– Пасть в Варде – значит, навсегда остаться здесь.

Внезапно звезды стали казаться менее яркими, а луна потускнела. Как будто на все опустилась тень.

– Смерть здесь окончательна и необратима, – буркнул он. Амхара удивленно посмотрела на него, нахмутив брови.

– И даже никаких призраков?

– Даже никаких призраков, Сарн.

Вера была великой силой, и он видел ее отражение в Сарн, Айсадере и Чарли. Набожные смертные, которые чтили свой

священный пантеон так, как считали нужным. Сораса Сарн, пусть и убийца, верила, что после этой жизни существует какая-то другая. Для себя, для других, даже для тех, кого она убивала. По какой-то причине у аморальной убийцы без ориентиров было нечто, что указывало ей путь вперед. «Не как у меня», – подумал Дом. Странно было завидовать смертной, тем более той, которую он так ненавидел.

Голос Сарн вывел его из задумчивости, вернув к стоящей перед ними задаче.

– Корэйн уже взялась за дело и вместе с капитаном Айсатере намечает курс, – сказала она, снова направляясь к шатру. – Надо помочь им проложить путь на север.

Выстроившиеся у входа в шатер стражники Айбала в драконьих доспехах крепче сжали свои копья. Дом посмотрел на них, затем догнал Сарн и схватил ее за руку.

– Тебе следует быть осторожнее с этими айбалийскими охранниками, – прошипел он. – Они убьют тебя, даже не моргнув глазом.

«Они говорили об этом ей в лицо, и у амхара за спиной. Некоторые из них днем и ночью обсуждают это, думая, что их никто не слышит». – Его возмущала сама мысль о том, что Соколы готовы перерезать Сарн горло. Даже если он понимал причину их отвращения. Даже если сам когда-то хотел сделать то же самое.

– Я отлично осведомлена об их ненависти, – четко ответила Сарн. В ее голосе звучало веселье или даже гордость. –

Она более чем оправданна. Как и их страх.

Дом скорчил гримасу.

– Не теряй бдительность, Сарн. Будь начеку.

– Я начеку с того момента, как увидела тебя, Древний.

Он снова вспомнил о Билскосе и тирийском порту, городе, наполовину разрушенном благодаря навыкам амхара. Сарн наблюдала за ним, а затем наклонила голову. Она внимательно посмотрела на него, и Дом поежился, почувствовав себя неуютно под ее пристальным взглядом.

– А ты вообще можешь пьянеть?

Нелепый вопрос вывел его из равновесия. Он замялся, пытаясь найти подходящий ответ.

– Возможно, – наконец сказал он, вспомнив залы Айоны и давно прошедшие праздники.

Она снова улыбнулась уголком губ, а затем пошла прочь, жестом приказав ему следовать за ней.

– С радостью посмотрела бы на это.

* * *

Вернувшись в шатер, Дом увидел, что Корэйн с головой погрузилась в составление плана, перед ней лежала карта. Девушка никогда не казалась такой увлеченной, как сейчас, ее глаза горели, пока она царапала заметки или проводила пальцами по горному хребту. На мгновение бессмертный увидел ее такой, какой она должна была быть. До того, как

они с Сарн нашли ее. До того, как судьба всего мира легла на ее плечи. Та личность быстро исчезла, превратившись в Корэйн, которую он видел сейчас. Более суровая, более раздражительная, уставшая от судьбы и необходимости надеяться на удачу.

Командир лин-Ли́ра и Сибрез ушли, вместо них появились капитан корабля Айсадере. Они изучали карту вместе с Корэйн. Наследник продолжали сидеть у догорающей свечи, изредка бросая взгляд на залитое лунным светом зеркало.

Вальтик еще не вернулась, Чарли тоже не было видно, судя по всему, он уже спал. По-видимому, Эндри тоже хотел спать, но, сидя в кресле и чуть прикрыв глаза, он продолжал мужественно сражаться со сном. Сигилла прохаживалась по залу с бокалом вина в руке, рассматривая богатую обстановку и придирчиво изучая все – от стульев до ковров под ногами.

Дом нехотя вернулся к столу, его взгляд упал на знакомую точку на карте. И пусть ее никак не обозначили, он все равно знал это место. Холмы, дельта реки. Безмолвный лес, теперь лишенный спокойствия. Древний с шумом втянул воздух.

– В храме нас ждет две опасности, – выдавил Дом уверенность, чем прежде.

Корэйн оторвалась от карты и подняла взгляд.

– Во-первых, армия Таристана, воины Пепельных земель, – продолжал он, каждое слово давалось ему труднее

предыдущего. Воспоминания заполонили его разум. «Воины пришли из разрушенного царства». – Либо они все еще там, охраняют Веретено, либо они с Таристаном в Мадренции.

– В обоих случаях ничего хорошего, – пробормотала Корэйн.

Дом кивнул.

– Вторая опасность заключается в том, что храм находится на склонах Вардийский гор, в королевстве Галланд. – Он сглотнул комок в горле. – Королевстве, которое охотится на всех нас.

Дом удивился, когда Корэйн улыбнулась.

– Значит, мы пойдем в обход, – сказала она, проводя рукой по длинной линии гор, разделяющих северный континент на две части. – Мы пересечем Долгое море. – Ее палец прочертил путь по волнам от побережья Айбала до города на другом берегу. – Высадимся на берег недалеко от Трайсада, пройдем через Амсару к Далианским воротам и поедem на север вдоль гор. Пусть они станут стеной между нами и Галландом. – Она провела пальцами по маршруту, отмечая путь. – А потом окажемся в Трекии, на пороге самого Галланда. Побежим с белым волком. Если повезет, Осковко присоединится к нам вместе со своей армией.

Ее щеки порозовели, но не от прилагаемых усилий, а от восторга. Карта была ее домом, составление маршрутов – смыслом ее жизни.

Нечто такое, на что она была способна. «Кроме того, что

открывала и закрывала порталы».

Закусив губу, Корэйн перевела взгляд с Дома на Сорасу.

Хоть Дом и знал карту Варда не хуже любого другого бессмертного, он мало что видел в этой части мира. Он снова посмотрел на горы – чернила на потертом пергаменте. Они казались достаточно маленькими, а предстоящее путешествие не таким уж долгим. Тем не менее, по его расчетам, оно должно было занять много долгих недель. Если ничто не встанет у них на пути.

– Неподалеку находится анклав Сайрин, – сказал он, указывая на неотмеченное на карте место. Конечно, смертные не могли знать о нем. Бараны Сайрина были затворниками, они уединились высоко в горах и уже много веков не жили среди смертных. – Возможно, местные видэры помогут нам в нашем путешествии.

– У нас нет времени на воссоединение семей, Древний, – выплюнула Сораса, едва не стукнув его.

Он оторвал палец от пергаamenta, будто бумага жгла огнем, увеличивая дистанцию между ними.

Сарн лишь опустила взгляд на карту.

– Дорога долгая, и нам нужно как можно быстрее добраться до конечной точки. Но путь выбран правильно, – через мгновение добавила она. – Единственный, который позволит нам оказаться в Галланде так, чтобы нас не поймали. И, возможно, мы еще сможем найти союзника.

Она взглянула на Айсадере и получила в ответ сдержан-

ный кивок.

Гордая собой Корэйн расплылась в улыбке.

– Спасибо, Сораса.

– Благодарю не меня, а свою мать, – ответил Сарн, теперь уже сама прокладывая маршрут. – Может, она и не научила тебя сражаться, но она определенно научила тебя думать.

Дом не считал, что хорошо разбирается в эмоциях смертных, но даже он заметил тень, пробежавшую по лицу Корэйн. «Свидетельство печали или разочарования? Скучает ли она по матери? Ненавистно ли ей любое упоминание о ней?» Он не знал.

– Очень хорошо. – Айсадере хлопнули в ладоши, и придворные дамы вскочили на ноги. – Мы постараемся обеспечить вас всем необходимым для путешествия.

Служанки кинулись из зала в соседние покои. Сквозь тонкие тканевые стены Дом слышал, как другие слуги уже собирают еду и прочие припасы.

– Песчаные лошади? – вопросительно выгнув бровь, спросила Сораса.

Дом приготовился к отказу. Песчаные кобылы были прекрасными лошадьми, достаточно быстрыми и сильными, как раз то, что нужно для предстоящего долгого пути. Но благодаря оставшейся позади дороге он был готов встретить на каждом шагу препятствия или вовсе столкнуться с откровенной неудачей.

К его облегчению, Айсадере кивнули.

– Лошади отвезут вас на север.

Услышав это, Сарн выпрямилась и склонила голову. Дом никогда не видел, чтобы амхара делала настолько похожий на поклон жест. У стоявшей позади нее Сигиллы брови практически достигли линии роста волос. Очевидно, она тоже никогда не видела, чтобы Сарн кланялась. Дом сомневался, что кто-то в мире вообще видел нечто подобное.

– Выражаю благодарность, – искренне поблагодарила Сарн без намека на сарказм.

Айсадере нахмурились, показывая зубы.

– Мне не нужна твоя благодарность, амхара, – парировали они, отворачиваясь, словно им было невыносимо смотреть на такое создание. Айсадере встретились взглядом с Корэйн. Они с гордостью приподняли подбородок, точеные черты лица выделялись на фоне золотого света свечей.

– Поспите во время жары, с закатом вы отправитесь на побережье.

Глава 8

Жизнь одного человека

— Эрида —

Таристан обещал положить победу к ее ногам, именно этим он каждый день и занимался.

Армия Эриды сметала все на своем пути, Лев возвышался во главе двадцати тысяч человек. Зеленый флаг Галланда развевался высоко в небе на прохладных осенних ветрах. Текущий рядом Риверосс контролировал восточный фланг, пока великая армия двигалась на юг по сельской местности.

Королева была рада оказаться на воздухе и остаться без вечно присутствующих рядом придворных дам. Массивная карета вместе с обозом громыхала в хвосте колонны. Хотя рыцари убеждали ее остаться внутри, она отказалась.

Эрида устала сидеть в клетке.

На ней была ее обычная темно-зеленая, отделанная золотом накидка, настолько длинная, что закрывала бока лошади. Под ней сверкали церемониальные золотые доспехи, достаточно легкие, чтобы выдержать в них не один час. В них едва ли можно было орудовать клинком, но Эрида никогда не видела неправильный конец меча.

Они оставили позади Каслвуд и ряд своих крепостей. Королевство Мадренция встретило их невидимой завесой. Они

пересекли границу при свете дня, не увидев какого-либо сопротивления. Лишь один-единственный камень обозначал границу, по прошествию многих лет и смены погодных условий написанные на нем знаки стерлись. Река все еще текла; осенний лес все еще стоял на месте, окрашенный в зеленые и оранжевые цвета, тем самым создавая впечатление, словно сами деревья приветствовали Льва. Дорога под копытами лошадей не изменилась. Грязь оставалась грязью.

Эрида ожидала, что в другом королевстве будет чувствовать себя иначе, будто слабее. Вместо этого новые земли только придали ей сил. Правящая королева, которой полагалось править империей. Ее ожидало первое нападение, ее первое завоевание.

Город-крепость Рулайн возвышался на юге, у слияния Риверосса и Ривеалсора. Стены города казались крепкими, но Эрида была сильнее.

Вражеская армия сосредоточилась на дальнем берегу Риверосса и следила за продвижением противника. Слишком слабые, чтобы встретиться с армией Эриды в бою, они напали по бокам, словно стервятник, подкарауливающий большое стадо. Это лишь замедлило продвижение галлийской армии, позволив другим отрядам переправиться через реку и осесть там. За ночь они вырыли траншеи и соорудили временный деревянный палисад.

Лев сожрал их всех.

Эрида не знала, сколько мадрентийцев погибли. Она не

удосужилась сосчитать трупы своих врагов. И хотя вместе с ними пали сотни галлийских солдат, им на смену пришли другие, призванные со всех концов ее большого королевства. Тяга к завоеванию была у нее в крови, как и в крови всего Галланда. Дворяне, которые сопротивлялись ее первому призыву к войне, теперь быстро скакали верхом, ведя за собой свиты из рыцарей, воинов и ковыляющих позади крестьян. Все горели желанием разделить военные трофеи.

«И мою славу».

Таристан находился вне поля ее зрения, он скакал во главе колонны в сопровождении группы рыцарей из Львиной гвардии королевы. В соответствии с приказом Эриды, такой порядок установили после Лота. Это снискало ему уважение дворян, слишком трусливых, чтобы ехать в авангарде, но и держало подальше от этих гадюк.

«И подальше от меня», – подумала Эрида, обеспокоенная тем, что его отсутствие так сильно беспокоит ее.

Ей многое предстояло обдумать, но благодаря жизни при дворе у нее имелся большой опыт в таких делах. Она была королевой Львов, и ее знать, безусловно, оправдывала это имя. Сейчас она чувствовала себя так, будто стоит в логове львов с кнутом в руках. Но даже укротитель львов может испугаться, если окажется в меньшинстве.

На данный момент львы были сыты, упитанны и счастливы, вдоволь насытившись разбитыми воинами и бочками вина. То же самое их ждало и сегодня, только в осадном лагере,

а не в замке.

На фоне Аскала Рулайн казался намного меньше, деревня по сравнению с большой столицей Эриды. Город расположился на вершине холма и был окружен каменной стеной, а также двумя реками, что оставляло лишь одно направление для нападения. Удачное расположение и мастерски выполненные постройки позволяли удерживать границу Мандренции в течение многих поколений. Но не теперь. Двадцать тысяч душ жили за стенами и на окрестных фермах. При желании Эрида могла приставить солдата к каждому.

Теперь здесь не осталось ни одного человека, вокруг стояла тишина. Здания были полуразрушены, их двери и окна открыты настежь. Крестьяне-солдаты перебирали оставленные вещи, ища лучшие сапоги или луковицу, которую можно было бы погрызть. Весь оставшийся скот отогнали в обоз в конце колонны, добавив к уже имеющемуся стаду, предназначенному для обеспечения армии едой. Но осталось не так уж много.

Даже издалека Эрида слышала колокола, призывающие крестьян в безопасное место.

– Забавно, но именно колокола возвестят об их кончине, – сказала она вслух.

Сидевшая на лошади леди Харрсинг склонила голову набок.

– Как же так, Ваше Величество? – спросила она.

Пожилая женщина держалась в седле лучше, чем дамы

вдвое моложе ее. Она надела небесно-голубую накидку, а седые волосы были заплетены в косу. При дворе она носила достаточно драгоценностей, чтобы напомнить всем о своем богатстве, но не в дороге, когда драгоценности лишь отягощали бы ее. Белла Харрсинг знала – не стоит красоваться во время военного похода. Не то что некоторые другие, которые надевали позолоченные доспехи или парчу, будто присутствовали на балу, а не на поле боя.

– Колокола созывают крестьян и простолюдинов за стену, чтобы закрыть ворота и защитить город, – сказала королева. Колокола звонили без всякого единства, звон доносился со многих башен. – Если бы они только оставили ворота открытыми, мы могли бы войти в город без всякого кровопролития.

Харрсинг громко рассмеялась.

– Даже мадрентийцы не отдадут город без боя. Может, их король и ослеп от вина, но он не глупец.

– Напротив, он невероятно глуп. – Эрида крепче сжала поводья, кожа казалась мягкой и приятной на ощупь. Осень в Мадренции была не очень холодной, и днем надобность в перчатках отпала. – В моем распоряжении двадцать тысяч человек, и еще больше на подходе. Королю Робарту следовало бы сегодня же покинуть свой прекрасный дворец и преклонить передо мной колени.

Леди Харрсинг скривила губы в усмешке.

– Вы начинаете говорить как ваш супруг.

По щекам Эриды разлилось тепло.

– Или он начинает говорить как я? – парировала она, давая Харрсинг пищу для размышлений.

– Смотря с какой стороны посмотреть, – вздохнув, ответила Белла.

Следом за королевой скакали и другие дворяне. Эрида оглянулась, наблюдая, как они шествуют на юг, строй прекрасных лошадей и сверкающих доспехов. Впереди и позади ехало множество лордов и несколько леди, являвшихся главами своих поселений, а еще командиры и генералы тысяч мужчин. Она знала каждое лицо. Их имена, семьи, запутанную родословную и, самое главное, помнила об их верности Эриде Галландской.

Белла проследила за ее взглядом.

– О чем вы думаете, Ваше Величество?

– Слишком о многом, – поджав губы, ответила Эрида. Она слегка понизила голос: – Кто преклонил колени во время моей коронации, пообещав служить пятнадцатилетней королеве? Кто отправился на мадрентинский фронт, когда я объявила первый сбор, созывая как легион, так и личную армию? Кто выждал? Кто распространяет слухи? Кто шпионит для моего подлого кузена Кониджина, который все еще прячется где-то в безопасном месте, даже когда я охочусь за ним? Кто посадит его на трон, если я умру, и кто готов сам ускорить мою кончину?

Сидящая на лошади Белла побледнела.

– Такая тяжелая ноша на таких юных плечах, – пробормотала она.

Эрида могла лишь пожать плечами, будто поддаваясь тяжести этого бремени. Она покачала головой:

– И кто боится Таристана? А кто завидует? Кто разрушит все, что мы пытаемся построить?

На это у Беллы не нашлось ответа, да Эрида и не ждала его. Престарелая женщина слишком давно служила при дворе, давно научилась искусству вести беседу и понимала, когда лучше промолчать. Она знала, когда оказывалась не в своей стихии.

Эрида прочистила горло.

– Торнуолл, каков последний отчет?

Лорд Торнуолл натянул вожжи, и конь рысью направился к королеве, пристроившись рядом с ней. Сидя верхом на лошади, командующий казался выше, впрочем, как и большинство мужчин. В отличие от других лордов, он не надевал в поход доспехи. Ему не было нужды играть в войну. Он командовал целой армией и проводил слишком много времени верхом во главе колонны, совещаясь со своими разведчиками и лейтенантами, чтобы беспокоиться о доспехах.

Торнуолл кивнул королеве, рыжая борода выделялась на фоне зеленого мундира. Вышитого на груди льва окружали выющиеся лозы и шипы – знак его собственной великой семьи.

– Разведчики докладывают, что мадрентийская армия за

рекой насчитывает три тысячи человек. Возможно, – сказал он. Рядом с ним ехали два оруженосца, одетые в такие же мундиры, как и сам Торнуолл. Эрида попыталась вспомнить их имена, которые когда-то легко всплывали в ее памяти. Один с неопрятными светлыми волосами, другой с добродушным выражением лица. Она знала одно – у кого они служили оруженосцами до того, как Торнуолл взял их к себе.

Раньше они носили ярко-красные с серебряным мундиры, на их груди красовался сокол.

«Норты, – подумала Эрида, и ее взгляд стал суровым. – Сэр Эдгар и сэр Рэймон. Рыцари Львиной гвардии, поклявшиеся служить».

Они пали на холмах, их кости поглотила грязь. Ее верные стражи стали первой победой Таристана.

Кроме одного, который все еще оставался в живых. Вспомнив Эндри Трелланда, королева поморщилась. Благородный сын Аскала, оруженосец, собиравшийся стать рыцарем. «И предавший собственное королевство», – подумала Эрида, закипая при воспоминании о последнем разе, когда видела его. Он выбежал за дверь, оставив позади разрушенный парадный зал, и направился к Корэйн из Древнего Кора с ее Веретенным клинком.

Торнуолл продолжил болтать, и Эрида моргнула, забыв об оруженосцах и их мертвых рыцарях.

– Но каждый день прибывает все больше солдат, – сказал командир, покачиваясь в такт со своим конем. Дорога шла

ему больше, чем зал заседаний, его щеки покрыл румянец, серые глаза блестели. – Ходят слухи, что принц Орлеон находится за рекой, он возглавляет сотню облаченных в доспехи рыцарей и вдвое больше воинов.

Эрида ухмыльнулась.

– Думаю, он понял, что я не собираюсь выходить за него замуж, – сказала она, смеясь вместе с леди Харрсинг. Наследный принц Мадренции был одним из многочисленных разочарованных претендентов на роль ее жениха, которого она предпочитала как можно дольше держать в подвешенном состоянии.

Королева встречала принца лишь однажды, на свадьбе дочери Кониджина с каким-то сискарийским герцогом. Высокий и светловолосый, этакий принц-менестрель. Но глупый, лишенный и толики остроумия и каких-либо амбиций. Большая часть их разговора крутилась вокруг его коллекции миниатюрных пони, которую он держал в саду отцовского дворца в Партепаласе.

– Если его схватили, пощадите его, – сказала Эрида, перестав смеяться. От ее следующих слов повеяло холодом: – Его король заплатит хороший выкуп.

Находившаяся по другую сторону от нее Харрсинг хмыкнула.

– Возможно. Все знают, что Робарт дико завидует своему золотому наследнику – глупость со стороны любого отца.

– Меня мало волнуют их семейные дразги, – вздохнула

Эрида, продолжая наблюдать за Торнуоллом. – А что насчет других разведчиков? – Она выгнула темную бровь.

Торнуолл покачал головой и раздраженно дернул себя за рыжую бороду.

– Никаких следов Кониджина. Похоже, он исчез в горах.

– Или ему помогли скрыться, – задумчиво произнесла Эрида, наблюдая за выражением лица лорда и отмечая малейшие перемены.

Ее командир опустил взгляд, сосредоточившись на гриве своего коня.

– Нельзя исключать и такую возможность.

«Что я вижу в ваших глазах, Отто Торнуолл – стыд? Или тайну?»

– Спасибо, лорд Торнуолл, – сказала она вслух, протягивая руку через разделявшее их пространство. С отработанной годами улыбкой она сжала его предплечье – значимый жест для правящей королевы. – Я рада, что вы на моей стороне.

«По-прежнему». Подтекст повис в воздухе, такой же очевидный, как и слова на странице. Торнуолл понял намек. Они оба знали, о ком она говорит. Тогда в Лоте вместе с Кониджином исчез и лорд Деррик, он тайком покинул замок ранним утром. Еще один член ее собственного Королевского совета, еще один предатель из немногочисленного круга доверенных лиц. Оставались только Торнуолл, Харрсинг и стареющий лорд Ардат, оставшийся в Аскале старец, слыш-

ком слабый, чтобы вести войну со всем миром.

«Я не могу позволить себе еще одно предательство».

* * *

К тому времени, когда Рулайн показался в поле зрения, осада уже началась. Город стоял на вершине холма, как поверженный великан, за каменными стенами и болотистым ровом возвышались шпили храмов и башен. Хотя граница проходила всего в нескольких милях от города, любой, у кого были глаза, понимал, что город принадлежал не галлийцам. Более низкие стены, менее прочные и крепкие башни, покрытые красной черепицей крыши домов, большая часть зданий белого или бледно-желтого цветов. Около окон висели ящики с цветами, а бордовые флаги Мадренции, украшенные вышитым на нем серебряным конем, развевались на ветру. Рулайн был слишком тихим, слишком милым и совсем не гордым городом. Совершенно не по-галлийски.

Реки Риверосс и Ривеалсор соединялись за городом и текли на юг к мадрентийской столице и Рассветному океану. Эти две реки являлись лучшей защитой, чем городская стена, которая, несмотря на высоту всего в тридцать футов, была достаточно толстой, чтобы выдержать натиск большинства армий. Рулайн был торговым городом, удачно расположенным на дороге в Древний Кор, которая когда-то соединяла эту часть империи, он также являлся защитником гра-

ницы, воротами в остальную часть Мадрентии. Даже в мирное время в Рулайне находился значительный городской гарнизон, а прямо на месте слияния рек на случай разрушения стен стояла большая каменная крепость. Эрида видела лишь ее башни и валы, камень нависал над сияющим городом подобно грозовой туче.

Колокола давно прекратили свой звон. Все знали, что у ворот рычит Лев. Десять тысяч человек уже окружили город. Они заполнили пустую вершину холма за болотом и были заняты насущными делами, хозяйственной стороной войны. Организация лагеря, рытье канав, разведение костров для приготовления пищи, установка палаток, возведение деревянной стены и кольев на случай, если люди Орлеона попытаются неожиданно напасть. Они очистили окраины города, те немногие строения и улицы, которые находились за пределами защитных городских стен. Звон колоколов сменила какофония молотков и топоров. Деревья падали, их стволы и ветви рубили для костра или деревянных настилов. А, возможно, и для тарана.

Тысяча галлийских солдат стянулась к краю рва, оставаясь вне досягаемости мадрентийских лучников, возвышавшихся на крепостных валах. Организованный внушительный отряд, вселяющий страх даже в самых храбрых воинов. Не разобщенные и действовавшие хаотично джидийские налетчики, а галлийские легионеры. Как и планировалось, они ждали королеву и ее командиров. Она знала, что с ними

увидит и красный плащ, окруженный стражниками в золотых доспехах. Королеве потребовалась вся выдержка, чтобы не пронестись через лагерь со всей неотложностью, которую она испытывала.

Эрида жалела, что рядом с ней катится не требушет, а придворные глупцы и гадюки. Но метательные машины были медленными, и они должны были прибыть только через несколько часов. Катапульты должны быть готовы не раньше утра, тогда и планировали начать настоящий штурм.

Каким-то образом от лагеря уже исходила вонь, дорога под ее лошадью превратилась в грязь, а несколько старых камней походили на острова в бушующем море.

Дорога Древнего Кора разрезала лагерь надвое, ведя прямо к мосту через ров и городским воротам. «Еще вчера на этой дороге можно было встретить только горожан и сельскую знать, – подумала Эрида, скача прямо к солдатам, столпившимся на краю болота. – А теперь она встречает королеву и принца Кора».

Солдаты расступались, уступая дорогу королеве. Сначала она заметила его красную мантию, неповторимый оттенок великолепного алого. Таристан стоял на мосту, широкой аркой возвышающемся над болотом внизу. Даже видя лишь силуэт принца-консорта, его можно было принять за короля.

«Нет, – подумала Эрида. – Не короля. Императора».

Стрелы сломались в нескольких дюймах от его ног.

Таристан не пошевелился, а вот Эрида, естественно,

вздрыгнула. Ее сердце забилось быстрее.

«Если этот несгибаемый глупец погибнет из-за какого-то опытного лучника... – стиснув зубы, подумала она. А потом вспомнила. – Нет, он неуязвим, – напредила она себе в сотый, даже в тысячный раз. – Тот, Кто Ждет благословил его и будет оберегать».

Хотя из-за бога Таристана Эрида ощущала дрожь, он же даровал ей и утешение. Тот, Кто Ждет был лучше любого щита, и он наделил ее мужа практически божественной силой.

Лошадь королевы поспевала за хозяйкой, но в остальном вела себя тихо. Мерин был хорошо обученным боевым ко-нем, привыкшим к запаху крови и звукам битвы. Лагерь почти не отвлекал ее.

«Я тоже начинаю привыкать ко всему этому, – подумала Эрида, считая, сколько прошло дней с тех пор, как она покинула Аскал. – Две недели после замка Лота. Две недели с тех пор, как мой крысеныш кузен сбежал в какую-то адскую дыру».

Ронин стоял так близко к лучникам, как только осмеливался. Очевидно, он был не так неуязвим, как Таристан, и при виде красной крысы, дрожащей в нескольких футах позади ее мужа, на лице Эриды появилась улыбка. «Если бы только одна стрела могла пролететь немного дальше, выпущенная чуть более смертоносной рукой, чем те, что на стене». К каким осложнениям может привести смерть мага, она

не знала. Лишь это незнание сдерживало Эриду от того, чтобы самой убрать его. Жрец Того, Кто Ждет не нашел другое Веретено, но он создал некую связь между ее супругом и Расколотым Королем Асандера. Конечно, было неразумно разрывать ее.

Ноги королевы слегка дрожали, когда она спешила, рыцарь Львиной гвардии стоял рядом с ней, почти дыша ей в затылок. Торнуолл тоже слез с коня, и они вместе, Эрида и ее командир, двинулись вперед, чтобы присоединиться к принцу Древнего Кора.

Солдаты кланялись. Это были опытные легионеры, а не крестьяне, призванные на службу своими господами. Эрида наслаждалась их вниманием, зная силу тысячи хорошо обученных людей. Даже Ронин склонил голову, как и всегда, его слезящиеся покрасневшие глаза казались жуткими, а лицо под капюшоном напоминало сияющую белую луну.

Таристан не двигался, его внимание было приковано к воротам и городу, скрывающемуся за их стенами. Веретенный клинок висел у него на боку, древний меч блестел, даже убранный в ножны. Ее супруг держал одну руку на рукояти, рубины и аметисты мерцали под его пальцами.

Эрида видела Таристана каждое утро перед началом похода и каждый вечер в любом замке, где они останавливались, но сейчас все было иначе. Сегодня они стояли перед своим первым настоящим врагом. И придворные наблюдали, ожидая любого признака раскола между королевой и ее

супругом.

«Повернись, идиот», – подумала она, желая, чтобы он увидел ее. Чтобы встал на колени.

Когда она остановилась рядом и пальцы ее ног оказались всего в нескольких дюймах от досягаемости стрелы, он так и сделал.

Таристан повернулся к ней лицом и поклонился, одной рукой откидывая мантию. Другая рука пылала жаром в ее собственной, его пальцы были грубыми, но нежными, когда он прижимался разгоряченным лбом к костяшкам ее пальцев. Эрида вздрогнула от его прикосновения, удивленная таким зрелищем. Таристан и раньше кланялся ей, признавал ее своей королевой, но никогда вот так. Одно колено на земле, голова склонена, как у жреца перед алтарем.

Королева смотрела на него сверху вниз, ее лицо оставалось непроницаемой маской, но сапфировые глаза раскрылись. Она надеялась, что дворяне не заметят ее замешательства, и определенно была рада, что они не слышат бешеное биение ее сердца.

Черные глаза Таристана встретились с ее собственными, выражение его лица было как всегда бесстрастным. Эрида не смогла ничего прочитать по его лицу, но он долго смотрел ей в глаза, дольше, чем она ожидала. А затем в глубине его темных глаз зашевелился красный блеск, едва заметный, но такой знакомый.

Продолжая сжимать ее пальцы, принц Древнего Кора под-

нялся на ноги.

– Ваше Величество, – сказал он, его голос был таким же грубым, как и его руки.

– Ваше Высочество, – ответила она, позволяя увести себя с моста и подальше от падающих рядом стрел.

Казалось, Таристану очень хотелось оградить Эриду от опасности, пусть даже совсем незначительной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.